

Министерство науки и высшего образования Российской Федерации
Федеральное государственное автономное образовательное учреждение высшего образования
«Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина»

Уральский гуманитарный институт

Департамент лингвистики

Кафедра лингвистики и профессиональной коммуникации
на иностранных языках

ДОПУСТИТЬ К ЗАЩИТЕ

Зав. кафедрой _____ М. Ю. Илюшкина

« ____ » _____ 2023 г.

Образ России в материалах Конгресса США 116 и 117 созывов

МАГИСТЕРСКАЯ ДИССЕРТАЦИЯ

Руководитель, к.и.н., доц.

Рецензент, к.и.н., доц.

Нормоконтролер, к.ф.н., доц.

Студент гр. УГИМ-210025

Д. И. Победаш

А. В. Лямзин

В. И. Бортников

Е. М. Какорин

Екатеринбург
2023

Оглавление

Введение.....	3
Глава 1. Исследование метафорических моделей в политической лингвистике .	8
1.1. Место работы в рамках политической лингвистики.....	8
1.2. Структурные аспекты методологии исследования.....	14
1.3. Функции метафоры и метафорические модели.....	22
Выводы по главе 1.....	30
Глава 2. Исследование метафорических моделей со сферой-мишенью «РОССИЯ».....	31
2.1. Метонимическая модель «РОССИЯ – ПУТИН».....	31
2.2. Социоморфная метафора.....	34
2.2.1. Милитарная метафора.....	34
2.2.2. Криминальная метафора.....	39
2.2.3. Авторитарная метафора.....	46
2.2.4. Другие социоморфные метафоры.....	50
2.3. Антропоморфная метафора.....	55
2.4. Другие метафоры.....	62
2.5. Количественные характеристики метафорических моделей со сферой-мишенью «РОССИЯ».....	67
2.6. Дискурсивные характеристики.....	69
2.6.1. Хронология событий в российско-американских отношениях в 2019–2022 гг.	72
2.6.2. Динамика метафоричности и качественные изменения образа России.....	77
2.6.3. Партийные различия в использовании метафор.....	80
Выводы по главе 2.....	83
Заключение.....	84
Список использованной литературы.....	86

Введение

В науке на современном этапе большое значение приобретают междисциплинарные исследования. Новые научные направления возникают на пересечении различных областей знания. Ярким представителем данной тенденции является политическая лингвистика. В фокусе этой науки, возникшей в зоне соприкосновения политологии, социолингвистики, функциональной лингвистики, классической и современной риторики, когнитивной лингвистики и лингвистики текста, находится политическая коммуникация, особый вид речевой деятельности направлен на борьбу за политическую власть и принятие социально-политических решений.

В силу сложности и разветвленности современных международных отношений особенно важным объектом для исследования представляется политическая коммуникация внутри ключевых органов ведущих акторов на международной арене, занимающихся принятием внешнеполитических решений. Среди таких органов можно выделить Конгресс США. Материалы Конгресса в данном контексте, в частности, формирующийся там образ России, представляют значительный интерес. Они заключают в себе как представления членов политической элиты Соединенных Штатов о России, так и непосредственно внешнеполитические решения, влияющие на состояние международных отношений. В контексте влияния на внешнеполитические решения ключевую роль играют комитеты Конгресса США.

Таким образом, изучение материалов заседаний комитетов Конгресса приобретает важность при осмыслении и характеристике принимаемых решений, а также в прогнозировании будущих.

Метафора представляет интерес для исследователей на протяжении долго времени, но особый интерес именно к политической метафоре проявился с появлением теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона [2004, 2008].

Появление данной теории также связано с развитием когнитивистики, и можно выделить работы следующих ученых в данном направлении:

В. З. Демьянков [1994], Е. В. Дзюба [2018], Ю. Н. Караулов [1989], Е. С. Кубрякова [1994, 2004], В. А. Маслова [2004], Т. Г. Скребцова [2000, 2005, 2011] и А. А. Кибрик [1994].

Среди исследований когнитивной (концептуальной) метафоры можно выделить работы А. Н. Баранова [1991], Э. В. Будаева [2015], И. В. Ивановой [2004], Е. А. Медведевой [2014], Э. МакКормак [1990], О. В. Пасечника [2007] и В. В. Петрова [1990].

Соединение метафорологии и политической лингвистики привело к тому, что на данный момент опубликовано значительное количество работ, посвященных изучению метафоры в политическом дискурсе.

Изучением политической метафоры посвящены работы Р. Андерсона [2007*a*, 2007*б*], Е. И. Бегловой [2004], Т. Белта [2007], О. О. Борискиной [2010], Н. С. Вороновой [2003], Е. П. Дулесова [2018], С. Л. Ериловой [2003], Н. Н. Захаровой [2006], И. М. Кобозевой [2001], Н. Н. Корнилаевой [2008], В. В. Лапшиной [2006], Ю. В. Матовой [2018], Г. Н. Мухамедьяновой [2004], Е. А. Пименова [2005], О. Е. Рожковой [2005], О. Е. Сизоновой [2007], Т. Г. Скребцовой [2005], А. В. Степаненко [2001], А. А. Субботиной [2006], А. А. Федосеева [2003], Е. О. Шибановой [1999] и Т. В. Шрайдман [2009].

О вопросах, связанных с отдельными видами метафор и метафорическим моделированием писали Е. Е. Аникин [2009], У. Бенуа [2009], Д. Вайс [2008], Т. С. Вершинина [2002], Е. Л. Зайцева [2017], Н. В. Зиновьев [2019], О. С. Зубкова [2006], М. Ю. Калыгина [2009], А. А. Каслова [2003], Р. Д. Керимов [2005*a*, 2005*б*], Н. Н. Клочко [2008], О. Н. Кондратьева [2017], Е. Е. Коптякова [2008], Н. А. Красильникова [2005], В. Е. Крышталева [2019], П. В. Кропотухина [2009], Е. А. Литвинова [2008], С. А. Логачев [2008], Ю. В. Матова [2019], И. А. Наумова [2007], Ю. А. Ольховикова [2009], А. И. Пичкур [2001], Я. А. Посохова [2008], Н. А. Сегал [2017], О. А. Солопова [2006], Т. В. Таратынова [2008], И. В. Телешева [2004], М. В. Чернякова [2004] и Е. А. Шудегова [2002].

Большинство работ по исследованию политической метафоры проводятся на основе медиа-дискурса. Институциональный дискурс рассматривается в меньшей степени, и по данному направлению можно выделить диссертацию Е. Н. Беловой [1995], посвященной анализу слушаний в Конгрессе США.

Исследованием метафорического образа России занимались О. В. Антипина [2008], В. А. Бабкина [2016], Г. В. Барышникова и И. И. Дубинина [2019], Л. Е. Веснина [2016], Р. И. Зарипов [2015, 2017], М. В. Зими́на [2018], Н. А. Красильникова [2007], Е. А. Литвинова [2009], Т. В. Мазаева [2016], Т. В. Моисеева [2007], А. Ю. Перескокова [2006], Т. Г. Попова [2017], А. А. Пшенкин [2006] и Т. В. Таратынова [2009].

Важное место в российской политической лингвистике и метафорологии занимают монографии А. П. Чудинова [2001, 2003, 2006, 2008, 2016, 2019] и Э. В. Будаева [2008а, 2008б, 2009, 2010, 2011], в которых описываются теоретические основы исследований в данном направлении, а также систематизируются достижения политической метафорологии.

Одним из ключевых направлений в западной политической лингвистике – работы по изучению политической коммуникации в рамках дискурс-анализа, то есть с учетом экстралингвистических факторов. Здесь можно выделить труды Т. Ван Дейка [2008], Р. Водак [1997, 2006], Н. Фэрклаф [1999, 2003] и П. Чилтона [2004]. Другие ученые, писавшие о дискурс-анализе, – Э. Р. Лассан [2004], М. Л. Макаров [2003], А. А. Кибрик [1994]; а также ряд авторов под общей редакцией И. Ф. Ухвановой-Шмыговой [2008].

Материалом для данной работы выступают расшифровки стенограмм заседаний комитетов Конгресса США 116 созыва (2019–2020 гг.) и 117 созыва (2021–2022 гг.), опубликованные на официальном сайте Конгресса США.

Актуальность изучения образа России в материалах Конгресса США обуславливается ключевой ролью данного законодательного органа в процессе принятия внешнеполитических решений в Соединенных Штатах. На данный момент обширный пласт научных работ по политической лингвистике

рассматривает образ России, сформированный в зарубежных СМИ, однако институциональный дискурс исследован менее основательно. Безусловно, коммуникация, осуществляемая средствами массовой информации, имеет политическое значение, но основной ее фокус направлен на широкую аудиторию. Влияние граждан на принятие политических решений существенно ограничено. В то же время такой орган, как Конгресс США, играет ключевую роль в формулировании внешней политики Соединенных Штатов. Таким образом, результаты исследования дискурса данного органа могут помочь при оценке высоко конфликтной ситуации на международной арене в настоящее время.

Объект исследования – политический дискурс комитетов Конгресса США 116 и 117 созывов. **Предмет** исследования – лингвистические средства формирования образа России в материалах Конгресса США.

Цель данной работы – дать характеристику образа России, отраженного в материалах Конгресса США 116 и 117 созывов.

Для достижения поставленной цели были выдвинуты следующие **задачи**:

1. Изучить теоретические основы исследований по политической лингвистике.
2. Проанализировать лексическую репрезентацию образа России в материалах комитетов Конгресса США 116 и 117 созывов.
3. Проанализировать дискурсивные характеристики, при которых сформировались выделенные метафорические образы.
4. Сделать выводы о существующем образе России в Конгрессе США.

В ходе исследования были использованы следующие лингвистические и общенаучные методы **методы**: контент-анализ, дискурс-анализ, моделирование, методы политической метафорологии. Материал отбирался путем сплошной выборки.

Структура работы. Данная магистерская диссертация состоит из введения, двух глав, заключения и списка использованной литературы и

источников. Первая глава посвящена теоретическим основам исследований по политической лингвистике. Вторая глава является практической, и в ней проводится анализ отобранных лексических единиц и дискурса, в котором происходило формирование образа.

Результаты исследования были представлены на Международной научно-практической конференции магистрантов, аспирантов и молодых ученых «Язык и перевод в контексте межкультурной коммуникации: актуальные вопросы и современные аспекты» в рамках «Недели науки – 2023» Южного федерального университета.

Глава 1. Исследование метафорических моделей в политической лингвистике

1.1. Место работы в рамках политической лингвистики

Для успешного проведения исследования по политической лингвистике, а также для систематического представления его результатов, необходимо обозначить некоторые основные понятия.

Центральное понятие в политической лингвистике, которое выражает в себе обобщенный предмет исследования в данной науке, – это **политическая коммуникация**. В данной работе за основу принимается определение политической коммуникации, которое использует в своих работах А. П. Чудинов [Чудинов 2006: 31]: «процесс общения между участниками политической деятельности». Еще одна интерпретация этого понятия раскрывает функциональную сторону явления: «речевая деятельность, ориентированная на пропаганду тех или иных идей, эмоциональное воздействие на граждан страны и побуждение их к политическим действиям, для выработки общественного согласия, принятия и обоснования социально политических решений в условиях множественности точек зрения в обществе» [Чудинов 2003: 11].

Следующее понятие, требующее определения, – **политический язык**. Под ним понимается «ориентированный на сферу политики вариант национального <...> языка» [Чудинов 2006: 32].

Ввиду специфики материала, отобранного для проведения данного исследования, возникает необходимость в прояснении понятий **политическая речь** и **политический текст**. Под первым подразумевается «использование общенародного языка в процессе создания политического текста» [Чудинов 2006: 34], а второе – означает «текст, создаваемый людьми, занимающимися политической деятельностью» [Репина 2002].

Важным компонентом исследования образа России на материалах Конгресса США является анализ **политического дискурса**, конкретнее, дискурса комитетов Конгресса. В данной работе политический дискурс – «это разновидность дискурса, цель существования которого – завоевание, сохранение и осуществление политической власти» [Маслова 2008: 220]. В понятие политического дискурса также входит и сам «процесс и результат порождения и восприятия политических текстов» наряду с экстралингвистическими факторами [Там же].

Еще одно важное понятие в данной работе – **политическая метафора**, т. е. «речевое воздействие с целью формирования у общества либо положительного, либо отрицательного мнения о той или иной политической единице (политике, партии, программе, мероприятии)» [Лакофф, Джонсон 2004].

Обобщая достижения уральской школы политической метафорологии, А. П. Чудинов формулирует следующие принципы исследования [Чудинов 2013: 83]:

1. Примат когнитивного подхода: исключительно лингвистический подход к исследуемому материалу создает ограничения, и, чтобы их преодолеть, в едином континууме рассматриваются не только лексические единицы, но и фразеологизмы; также кроме метафор анализу подвергаются другие тропы; проводится анализ различных частей речи и уровней языка.

2. Примат дискурсивного подхода: изучение метафор проводится не просто с использованием материалов лексикографии; возникновение и функциональная сторона метафоры объясняются с учетом социально-политических факторов.

3. Обращение к единому пространству языковых и речевых метафор: в фокусе исследования находятся не только яркие образные метафоры, но и «стертые» метафоры,

4. Примат антропологического подхода подразумевает что анализируемые сферы-источники и сферы-мишени – это не строгие

логические категории, а когнитивные пространства; рассматривается не научная, а наивная картина мира.

5. Приоритетное положение сопоставительных исследований, которые могут проводиться под различными ракурсами.

6. Экспланаторность: исследования не останавливаются на установлении факта, а стремятся его объяснить.

7. Экспансионизм: сфера изысканий охватывает не только лингвистические, но и экстралингвистические факторы.

8. Мультидисциплинарность предполагает использование методик разных наук в ходе исследования материала и при проверке результатов.

9. Интуитивизм: отказ от принципа, что научным может считаться только рациональное мышление.

10. Признается единство языковой деятельности и когниции, человека и его языка. Анализ языковых структур проводится с учетом психологических, коммуникативных и культурных факторов.

11. Интерпретационная модель познания служит основой для лингвокогнитивных исследований.

Как исследование по политической лингвистике данная работа обладает рядом особенностей. Во-первых, мультидисциплинарный характер и тенденции к расширению области изучения, который проявляется в предмете исследования и выбранных для достижения цели методов. Во-вторых, антропоцентричность, так как исследуемые языковые явления являются результатом языковой деятельности членов Конгресса США с их убеждениями и политическими взглядами. Третья особенность – функциональный характер. Язык здесь изучается в действии, а также как результат реализации его функций. И последнее – данная работа стремится не просто описать факт существования явления, но и объяснить его происхождения и прагматический эффект на основе дискурсивного анализа.

Как отмечает А. П. Чудинов, на современном этапе развития науки ключевым становится дискурсивный подход к изучению политических

текстов. В этой связи в область изучения попадает ряд экстралингвистических факторов: контекст политической ситуации, в которой создается текст; как он соотносится с другими текстами; личностные качества, установки и политические взгляды автора текста; специфика того, как текст воспринимается другими людьми [Чудинов 2006: 7].

Каждая научная работа должна дополнять существующий объем знаний по определенному направлению науки, поэтому важно определить то, как данное исследование соотносится с основными направлениями исследования в политической лингвистике.

В качестве опоры используются выдвинутые Чудиновым направления в современной политической лингвистике [Чудинов 2006]:

1. Исследования в области теоретических основ политической лингвистики.
2. Исследования советского политического языка.
3. Нормативный и дескриптивный подходы к изучению политического языка.
4. Изучение отдельных языковых уровней политического языка.
5. Исследование жанров и стилей политического языка
6. Изучение идиостилей политических лидеров, направлений и партий.
7. Дискурсивное исследование коммуникативных ролей, ритуалов, стратегий и тактик
8. Когнитивные, лингвокультурологические и традиционные методы исследования политической коммуникации.
9. Сопоставительные исследования.

В наибольшей степени данную работу можно отнести к когнитивным исследованиям политической коммуникации. В контексте данного направления, исследование образа России направлено на определение взаимосвязи представлений членов Конгресса США о России, ее политических лидерах и действиях на международной арене с речевыми средствами их выражения. А также – исследованию идиостилей различных

политических лидеров, политических направлений и партий, так как в ее фокусе находится политическая коммуникация внутри Конгресса США, законодательного органа США и одного из трех высших федеральных органов государственной власти в стране.

В качестве характеристики этой работы можно также отметить исследование языковых уровней политического языка. Конкретно, наибольший интерес представляют лексический и фразеологический уровни: отобранные в ходе работы лексические и фразеологические единицы являются средствами репрезентации образа России.

Возвращаясь к понятию политической коммуникации, важно привести классификацию политической коммуникации и определить место той коммуникации, что рассматривается в данной работе. А. П. Чудинов приводит следующие жанрово-видовые классификации политической коммуникации [Чудинов 2013: 139–140]:

1. По характеру говорящего (субъекта политической коммуникации) можно выделить собственно политическую коммуникацию, когда автором выступает профессиональный политик; медийную политическую коммуникацию, в которой субъект – это журналист; и непрофессиональную политическую коммуникацию, где автор «текста» – это избиратель, человек иной профессии.

В настоящей работе рассматривается собственно политическая коммуникация, так как в фокусе анализа находятся заседания комитетов законодательного органа США, несмотря на то, что помимо конгрессменов в обсуждениях участвуют приглашенные эксперты. Такой тип политической коммуникации также можно назвать аппаратным [Чудинов 2006: 36].

2. По характеру адресата политическую коммуникацию можно разделить на следующие группы: коммуникация, в которой адресат – политик или политический субъект, и коммуникация, в которой адресат не является политическим субъектом.

В рассматриваемом нами дискурсе адресатом, как и субъектом, выступают политики.

3. По форме осуществления коммуникации выделяют устную и письменную коммуникацию. К устным относятся, например, выступления на митинге, доклады, беседы, дебаты, речи и др. А к письменным – программы, листовки, газетные статьи, письма политическому лидеру, интервью и др.

По данному критерию в данной работе исследуется устная коммуникация, так как материалом выступают расшифровки стенограмм заседаний комитетов Конгресса.

4. При сопоставлении монологической и диалогической речи, соответственно, выделяют монологические и диалогические жанры политической коммуникации. В нашем случае – исследуется диалогическая речь.

5. По характеру выполняемых функций политическую коммуникацию делят на несколько видов. Первый – ритуальные жанры, например, инаугурационное обращение, приветственное слово и др. Второй – ориентационные жанры, такие как доклады, указы, договоры, соглашения. Следующий – агональные жанры, которые содержат в себе призывы к той или иной политической деятельности. К таким можно отнести лозунги, листовки, выступления на митингах, речевки и др. И последний – информативные жанры, например, газетная информация, обращения граждан к политикам или в СМИ.

По данной классификации рассматриваемую коммуникацию можно отнести к ориентационному жанру.

6. По критерию объема информации среди жанров политической коммуникации можно выделить следующие виды: малые жанры (лозунг, слоган, речевка), средние жанры (выступление на митинге или в парламенте, листовка, газетная статья) и крупные жанры (партийная программа, политический доклад, книга политической публицистики).

Коммуникация на заседаниях комитетов Конгресса США по данному критерию относится к средним жанрам.

7. Если брать во внимание цель высказывания, то можно выделить информативные, оценочные и императивные (призывающие к действию) жанры. Так, исследуемая в нашей работе политическая коммуникация является информативной и в высокой степени оценочной, но также присутствует и императив.

1.2. Структурные аспекты методологии исследования

Далее необходимо обозначить структурные аспекты методологии исследования. Будаев Э. В. отмечает существование следующих четырех уровней: онтологический, аксиологический, гносеолого-квантитативный и междисциплинарный [Будаев 2020: 75]. Последний является факультативным, но в силу специфики данной работы он присутствует и играет значительную роль.

Онтологический уровень связан с выявлением сущности изучаемого объекта. Этот уровень представляет собой основу для всех остальных уровней, так как для проведения успешного исследования необходимо четкое представление о природе и свойствах рассматриваемого объекта.

В изучении метафор в настоящее время выделяют существование двух подхода к рассмотрению природы метафоры [Там же: 77]. Первый и наиболее изученный – риторический, или стилистический, подход. Важной особенностью данного направления является взгляд на метафору как на языковое средство, которое выполняет в основном эстетическую и прагматическую функции. Так, метафора в политическом дискурсе рассматривается как средство украшения речи, как способ привлечь внимание и оказать эмоциональное воздействие на адресата, а сущность метафоры находится в чувственной сфере.

Работы исследователей риторического направления направлены на поиск архетипичных (универсальных) метафор; выявление особенностей политической метафорики, обусловленных культурными факторами; изучение аргументативного потенциала политической метафоры (например, метафорика речей политиков, победивших на выборах). Для работ современных ученых риторического направления характерно заимствование терминологии и некоторых идей когнитивного подхода, о котором речь пойдет далее. Хотя разрабатываемые в рамках политической лингвистики прагматические аспекты функционирования метафоры важны, они не исчерпывают всей сложности феномена политической метафоры.

Второй подход – когнитивный. В нем метафора понимается не как лингвистический феномен, а как феномен сознания. Метафора – это одна из основных ментальных операций, как способ познания, структурирования, оценки и объяснения мира [Будаев 2020: 86].

С середины 1970-х гг. в гуманитарных науках появляется тенденция брать во внимание вопросы о когнитивных структурах и механизмах работы этих структур с целью объяснения феноменов, которые ранее не могли быть адекватно изучены с использованием традиционной позитивистской методологии. Впоследствии данная тенденция получила название когнитивной революции (*cognitive revolution*), или когнитивного поворота (*cognitive turn*), что привело к формированию когнитивной науки (когнитологии) и ее ответвлению – когнитивной лингвистики [Там же: 50].

Ключевое положение в когнитивной лингвистике занимает вопрос категоризации окружающего мира. Роль метафоры в данном процессе состоит в том, что она служит проявлением аналоговых возможностей человеческого разума [Там же: 55].

Ключевой в данном направлении является работа Дж. Лакоффа и М. Джонсона «Метафоры, которыми мы живем», вышедшая в 1980 г. В ней авторы вводят понятие когнитивной, или концептуальной, метафоры, которое отражается в себе описанную выше когнитивную природу метафоры.

Метафоры в речи, по мнению Дж. Лакоффа и М. Джонсона, представляют собой отражение концептуальных метафор, заложенных в понятийной системе человека и структурирующих его восприятие, мышление и деятельность. Также отмечается ключевая роль метафоры при концептуализации, категоризации и оценки мира в языке, мышлении и восприятии [Лакофф, Джонсон 2004].

В данной работе за основу взят когнитивный подход в изучении метафоры. Согласно теории когнитивной (концептуальной) метафоры, в основе процесса метафоризации лежит взаимодействие фреймов и сценариев, относящихся к двум концептуальным доменам: это сфера-источник (*source domain*) и сфера-мишень (*target domain*). Взаимодействие между ними однонаправленное, и в результате метафорической проекции (*metaphorical mapping*) из сферы-источника в сферу-мишень происходит структурирование менее понятной сферы (сферы-мишени) при помощи элементов сферы-источника, с которыми человек уже ознакомился в результате взаимодействия с окружающим миром. Данный процесс составляет сущность когнитивного потенциала метафоры [Лакофф, Джонсон 2004: 9].

Развитие когнитивной науки привело к возникновению положения о том, что человек в своей деятельности реагирует не на объективную реальность, а на свои субъективные представления о ней. И в рамках исследования интерес представляют также два вида корреляции между сознанием и метафорой. С одной стороны, результаты корпусных исследований политических метафор позволяют определять структуры «коллективного подсознательного», которые зачастую не выражаются эксплицитно. Данный вид корреляции можно описать так: «человеческое сознание определяет используемые им метафоры». Второй вид корреляции имеет обратную направленность: используемые метафоры определяют сознание человека. Существование такой корреляции обусловлено сознательным использованием прагматического потенциала метафоры в политическом дискурсе с целью повлиять на картину мира адресата.

Следствием из данных утверждений становится проведение исследований с позиции, что поведение человека определяется его системой представлений о мире, а значит, используемые метафоры формируют основу для действий. Отмечается, что первый аспект наиболее характерно проявляется в работах по изучению стертых (клишированных, потерявших свою силу) метафор, второй – при анализе ярких, образных [Чудинов 2013: 50].

Данная работа находится на пересечении двух вышеперечисленных подходов, так как интерес представляет не только лексическая репрезентация образа России в сознании участников заседаний комитетов Конгресса США, но и потенциальный эффект, который может быть оказан их высказываниями.

Одна из ключевых идей, присутствующих в работах по политической метафоре, – существование метафоры в рамках политического дискурса обуславливает необходимость учета экстралингвистических факторов при изучении данного явления, так как метафора меняется и эволюционирует вместе с политической системой [Арутюнова 1990].

Так, в работах А. Мусолффа [Musolff 2004a, 2004b] указывается на необходимость дополнить теорию концептуальной метафоры. В политическом дискурсе метафора функционирует подобно живому организму: растет и видоизменяется наряду с другими метафорами, обладает «наследственностью». Поэтому А. Мусолфф говорит о целесообразности введения понятия концептуальной эволюции (*conceptual evolution*) метафор. Данное положение, по существу, также поднимает вопрос учета экстралингвистических факторов при исследовании политической метафоры. Роль дискурса подробнее будет рассмотрена ниже.

Необходимо также обозначить рамки понимания политической метафоры. В работах ученых по политической метафорологии берется достаточно широкий подход к выделению метафоры. Так, А. П. Чудинов пишет: «<...> в качестве метафоры рассматриваются не только сравнения, но и другие феномены с элементом компаративности: метаморфоза, гипербола, некоторые перифразы, фразеологизмы» [Чудинов 2013: 14].

Это является характерной чертой когнитивной теории метафоры. Метафорой может считаться любой способ косвенного выражения мысли без акцента на стилистические, эстетические или семантические различия между метафорой и сравнением [Арутюнова 1990].

Исследователями отмечается разница между метонимией (к которой также относят литоту и синекдоху) и метафорой, но вместе с тем за метонимией признается равная значимость [Чудинов 2013: 16]. В этой связи случаи использования метонимии также являются предметом исследования в данной работе.

Следующий уровень – аксиологический. Он представляет собой ценностный компонент изучаемого объекта. На этом уровне выявляется ценностное отношение исследователя к экстралингвистическим факторам функционирования политической метафорики [Будаев 2020: 103].

В современной лингвистике выделяют два подхода к изучению политического дискурса: критический и дескриптивный [Fairclough 1985]. Критический анализ направлен на изучение того, каким образом в дискурсе воспроизводится социальное, гендерное, этническое и расовое неравенство. Характерной чертой данного подхода также является тот факт, что автор всегда занимает ту или иную позицию [Fairclough 1985].

Второй подход – дескриптивный – подразумевает стремление автора описать и объяснить существование феномена, избегая собственных оценочных суждений, в особенности, мотивированных политическими взглядами [Fairclough 1985].

В данном исследовании не стоит задача дать критическую оценку отобранного материала, а лишь выявить их, описать и объяснить. Поэтому на аксиологическом уровне представленная работа следует пути дескриптивного подхода.

Гносеолого-квантитативный уровень связан с процессом отбора материала исследования и определением подходов его изучения. На исследователе лежит задача четкого определения количественных и

содержательных аспектов подбираемого материала. В контексте количественной релевантности источников разграничивают два подхода. Первый – качественный, в котором не используются точные количественные подсчеты, а автор стремится описать общие закономерности использования метафор. Вторым подходом – количественным. Для данного подхода характерен большой объем отобранного для анализа материала и использование статистических методов для описания выявленных закономерностей [Будаев 2020: 108].

Так как объект исследования – политический дискурс Конгресса США 116-го и 117-го созывов, то это само собой определяет временные рамки отбора материала, а также обуславливает сочетание качественного и количественного анализа: важен не только сам факт наличия метафор, но и количественные показатели.

При отборе исследовательского материала также учитываются содержательные характеристики. Здесь существуют также два подхода при подборе материала: узкий и широкий [Шейгал 2004]. При узком подходе интерес представляют только источники, созданные политиками; при широком подходе рассматривают любую коммуникацию, посвященную политическим проблемам [Будаев 2020: 113]. Специфика заседаний комитетов Конгресса США подразумевает участие не только конгрессменов, но и приглашенных экспертов, что обуславливает более узкий подход в подборе материала, но с оговоркой на участие в коммуникации неполитических акторов.

Еще один критерий разграничения источников в исследованиях по политической метафорологии – по происхождению. Так, источники делятся на устные и письменные [Там же: 117]. В данной работе анализу подвергаются источники устного происхождения.

Современные публикации по политической метафорологии принято разделять на работы, занимающиеся обобщением особенностей одного национального дискурса, и сопоставительные исследования, в которых

используются материалы двух и более национальных дискурсов [Там же: 119]. По количеству рассматриваемых дискурсов эта работа относится к группе исследований, обобщающих закономерности и особенности одного дискурса: заседания комитетов Конгресса США.

Междисциплинарный уровень в исследовании заключается в применении методов, относящихся к другим наукам. В частности, в данной работе применяется дискурс-анализ. Как уже отмечалось ранее, политическая метафора существует как когнитивное явление, но оно возникает в социальном, культурном и историческом контексте.

В российской науке метафора одновременно описывается и как ментальный, и как лингвосоциальный феномен: исследователи отмечают невозможность точного и полного описания политической метафоры с точки зрения только когнитивной или только дискурсивной трактовки [Кубрякова 2004]. В данной работе дискурсивный аспект исследования политической метафоры заключается в ее рассмотрении в рамках взаимосвязи с национальными, историческими, личностными, институциональными и иными факторами, которые существенным образом определяют механизмы и обстоятельства ее возникновения, функционирования и восприятия.

Как уже отмечалось выше, в данном исследовании важную часть составляет дискурс-анализ. В нашем случае исследуемый материал ограничивается дискурсом заседаний комитетов Конгресса США 116 и 117 созывов.

Политический текст обладает рядом дискурсивных характеристик, которые выделены и описаны А. П. Чудиновым [Чудинов 2013: 141–154]:

1. Авторство текста: в политической коммуникации автором считается тот, на кого ложится ответственность за него. В случае данного исследования авторство и, следовательно, ответственность за свои высказывания лежит на участниках заседаний комитетов Конгресса.

2. Адресность политического текста: для политической коммуникации часто характерен массовый адресат, однако в исследуемом материале

адресатом выступает группа политиков, как единомышленников, так и соперников.

3. Общедоступность политической коммуникации и ее эзотеричность (понятность только специалистам): так как исследуемый дискурс относится к аппаратному, ему присуща некоторая степень эзотеричности.

4. Ритуальность и информативность политической коммуникации: в дискурсе комитетов Конгресса присутствует минимум ритуальности, связанной с формальным порядком проведения заседаний и нормами этикета; информативность данной политической является максимальной.

5. Институциональность и личностный характер политической коммуникации: конгрессмены и приглашенные эксперты в комитетах в большей степени выступают как личности, а не как представители какой-либо партии или института. Однако при обсуждении некоторых потенциально конфликтных тем для них характерно поведение как представителя института (в частности, партии).

6. Редукционизм и полнота информации в политическом тексте: исследуемым текстам присуща малая степень редукционизма.

7. Стандартность и экспрессивность в политической коммуникации: соотношение стандартности и экспрессивности исследуемых текстов в большей степени склоняется к стандартности, однако присутствуют и выражения с высокой экспрессивностью.

8. Диалогичность и монологичность политического текста: данному тексту присуща собственно диалогичность, так как в создании «текста» участвует непосредственно группа политиков.

9. Явная и скрытая оценочность в политической коммуникации: специфика отбора исследовательского материала обуславливает наличие большого количества явных оценочных суждений в рассматриваемых текстах.

10. Агрессивность и толерантность в политической коммуникации: в настоящей работе исследуемый дискурс характеризует высокая степень агрессивности в отношении обсуждаемого объекта (России).

Дискурс-анализ также может проводиться под различными ракурсами. Исследователями в области политической метафорологии выделяются следующие ракурсы: этнокультурный, социальный, диахронический и мультимодальный [Будаев 2020: 187]. Первый связан с выявлением универсалий, а последний – с процессами функционирования невербальной метафорики, и в этой работе они не рассматриваются. Социальный ракурс включает идеологическое, идиолектное и гендерное сопоставление. В данном контексте интерес, во-первых, представляет идеологическое сопоставление с точки зрения представителей Демократической и Республиканской партий в Конгрессе США и с точки зрения отношения к определенной «проблеме» (в нашем случае, к России). Во-вторых, идиолектное сопоставление позволяет нам рассмотреть метафорику, актуализированную в рамках политической группы (комитеты Конгресса США).

С диахронического ракурса данная работа характеризуется континуальным анализом – исследованием метафорической вариативности в рамках определенного периода времени – и фокусной фрагментацией рассматриваемого дискурса: интерес представляет анализ взаимосвязи метафорики и конкретных политических событий [Будаев 2020: 187]. Так, количественные показатели данного ракурса исследования помогают выявить корреляцию между изменениями в политической ситуации и динамикой метафоричности дискурса (т. е. количеством метафор в политическом дискурсе). Однако присутствует и качественный аспект, связанный с попыткой выявить изменения в метафорическом образе России.

1.3. Функции метафоры и метафорические модели

Политическая метафора как лингвосоциальное явление обладает рядом функций. Различными специалистами выделяются отличающиеся друг от друга перечни функций, выполняемых политическими метафорами.

Так, А. П. Чудинов, описывая самые ранние представления о функциональных характеристиках метафоры, выделяет номинативную и эстетическую функцию [Чудинов 2013: 17].

В работах И. М. Кобозевой указывается зависимость между выполняемыми метафорами функциями и типом дискурса, в котором представлены данные метафоры. В рамках поэтического дискурса метафора выступает в большей степени как украшение речи (эстетическая функция) и как средство стимуляции внимания целевой аудитории (активизационная функция), а познавательная функция метафоры в данном контексте отходит на второй план. В научном же дискурсе, напротив, отмечается первостепенная роль познавательной функции метафоры: осмысление новой информации происходит на основе уже имеющихся знаний. Также в научном дискурсе метафора важна как средство убеждения (аргументативная функция) [Кобозева 2001].

Наличие интереса к исследованию политического дискурса порождает вопрос о функциональных особенностях метафор в политических текстах. И. М. Кобозева и А. Н. Баранов говорят о том, что в политическом дискурсе ключевые функции метафоры – это познавательная и аргументативная, а эстетическая и активизационная являются побочным результатом речевой деятельности [Кобозева 2001, Баранов 1991].

В рамках данной работы используется классификация функций метафоры, представленная в работах А. П. Чудинова и других представителей уральской школы политической метафорологии. Среди основных функций политической метафоры выделяются: когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая, которые имеют свои разновидности [Чудинов 2013: 18].

В когнитивной функции проявляется сущность метафоры как явления сознания, о чем упоминалось ранее при рассмотрении теории когнитивной (концептуальной) метафоры. Так, метафора участвует в процессе постижения

и категоризации определенного фрагмента действительности при помощи сценариев, фреймов и слотов из другой понятийной области.

Выделяют следующие разновидности когнитивной функции [Чудинов 2013: 18–20]:

1. Номинативно-оценочная разновидность: создание названий для новых реалий или замена существующих для подведения явления под определенную категорию и выражения своего отношения к нему.

2. Моделирующая разновидность: использование системы взаимосвязанных метафор для описания какого-либо явления, то есть превращение описываемого явления во что-то более знакомое и понятное.

3. Инструментальная разновидность: в политическом дискурсе метафора может играть роль инструмента мышления, направляя развитие мысли адресата в нужную для говорящего сторону.

4. Гипотетическая разновидность: позволяет делать предположения о сути рассматриваемого объекта, даже если он еще не до конца осознается участниками обсуждения.

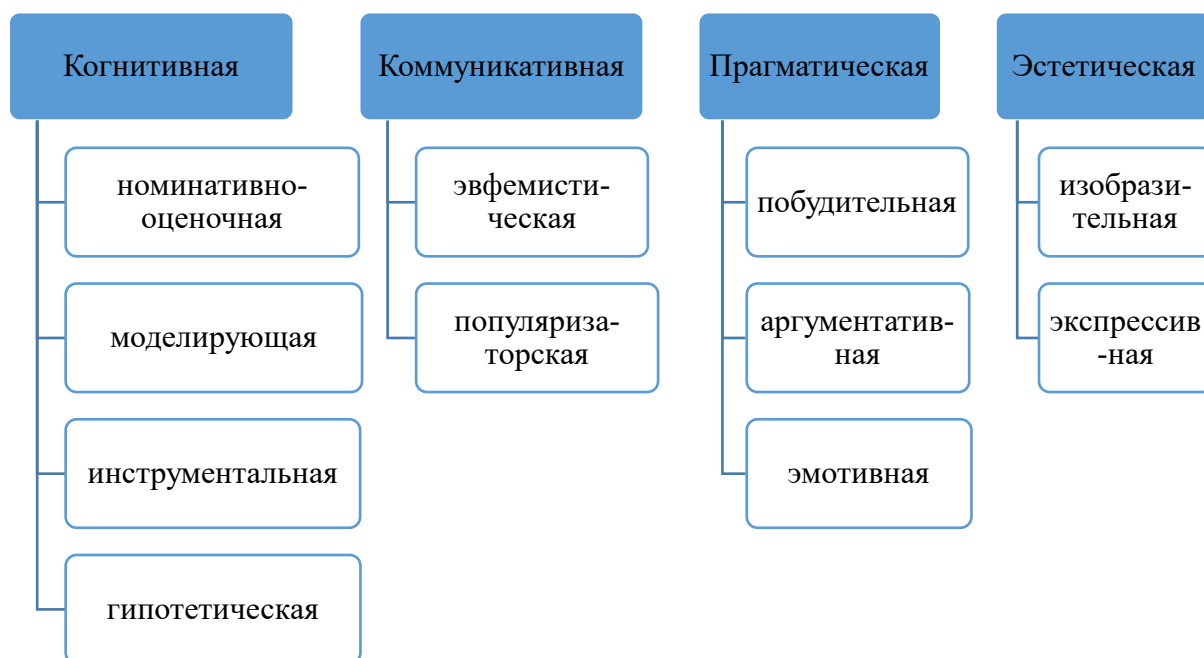

Рис. 1. Классификация функций метафоры (по А. П. Чудинову)

Закономерно, из функции, связанной с мыслительными процессами вытекает коммуникативная функция, связанная с передачей информации:

положения теории концептуальной метафоры здесь проявляются в выводе о том, что, если мыслительная деятельность происходит при помощи метафор, то и при коммуникации тоже будут использоваться метафоры. Среди разновидностей коммуникативной функции метафоры можно выделить [Чудинов 2013: 21–23]:

1. Эвфемистическая разновидность: метафора помогает передать информацию, которую автор не считает уместным обозначить прямо.

2. Популяризаторская разновидность: сложные идеи, которые могут оказаться непонятными для слабо подготовленного адресата, передаются в упрощенной форме.

В фокусе политической коммуникации лежит получение власти, побуждение адресата к определенным действиям, формирование у него необходимого эмоционального состояния и представления о мире. В данном контексте особую значимость приобретает прагматическая функция метафоры. Разновидности прагматической функции метафоры включают в себя [Там же: 23–24]:

1. Побудительная разновидность: использование метафор усиливает эффект от побуждения адресата к той или иной политической деятельности.

2. Аргументативная разновидность: метафорическая аргументация обращается к уже имеющемуся багажу знаний адресата, что создает общую базу для дальнейшего развития мысли; используется наряду с эмоциональной и рациональной аргументацией.

3. Эмотивная разновидность: метафора выступает в качестве инструмента влияния на эмоционально-волевую сферу адресата, создавая определенное отношение к рассматриваемым реалиям, выгодное для говорящего.

Эстетическая функция наиболее тесно связана с риторическим или стилистическим подходом к исследованию метафоры. Более «красивая» форма высказывания может способствовать его эффективности, так как

создается более яркий и заметный образ. Отмечается наличие следующих разновидностей эстетической функции [Чудинов 2013: 24–25]:

1. Изобразительная разновидность.
2. Экспрессивная разновидность.

Традиционно более характерная для художественных текстов, эстетическая функция во многом присуща политической коммуникации. В целом, каждая из функций не существует независимо от другой: меняется лишь их значимость в зависимости от ситуации.

Использование метафор в политической коммуникации приводит к появлению метафорических моделей (или моделей метафоры). Исследование метафорических моделей в данной работе проводится на основе теории Дж. Лакоффа и М. Джонсона [Лакофф, Джонсон 2004], также развитой в работах отечественных ученых. А. П. Чудинов пишет, что метафорическая модель – это «существующая и/или складывающаяся в сознании носителей языка схема связи между понятийными сферами, которую можно представить определенной формулой: X – это Y» [Там же: 27]. Однако им отмечается, что между компонентами модели нет полного равенства, их отношение можно выразить как «одно подобно другому».

По данной формуле, система фреймов одной ментальной сферы выступает в качестве базы для моделирования ментальной системы другой сферы. При такой схеме моделирования в сфере-мишени зачастую сохраняется как структура сферы-источника, так и эмотивный потенциал, которым характеризуются концепты изначальной сферы.

При работе с метафорическими моделями важно выделить их компоненты и дать определение возникающим при этом новым понятиям.

Первый компонент – исходная понятийная область (или сфера-источник, источник метафорической экспансии). Это та сфера, к элементам которой относятся неметафорические смыслы используемых в модели единиц. Существует много случаев, когда есть возможность указать не только исходную понятийную область, но и выделить в ней отдельные участки,

которые выступают в качестве источника метафорической экспансии [Чудинов 2013: 28].

Второй компонент – новая понятийная область (или сфера-магнит, сфера-мишень). К элементам данной области, напротив, относятся метафорические смыслы единиц метафорической модели. Как и в случае со сферой-источником, возможно выделение отдельных компонентов новой понятийной области, выступающих в роли мишени метафорической экспансии [Там же].

Третий элемент – относящиеся к модели фреймы. По определению В. З. Демьянкова, фрейм – «<...> это единица знаний, организованная вокруг некоторого понятия, но, в отличие от ассоциаций, содержащая данные о существенном, типичном и возможном для этого понятия <...> Фрейм организует наше понимание мира в целом <...> Фрейм – структура данных для представления стереотипной ситуации» [Кубрякова (ред.) 1996: 188]. В описании метафорических моделей одинаковую важность имеют фреймы и сферы-источника, и сферы-мишени. Системы, которые образуют фреймы, выступают своего рода сценарием типичного развития событий [Чудинов 2013: 28]. Так, например, в ментальной сфере «война», фреймы могут быть следующие: нападение – отступление – контратака – перемирие и т. д.

Четвертый элемент метафорической модели – типовые слоты, которые составляют фреймы. Они определяются Чудиновым как «элементы ситуации, которые составляют какую-то часть фрейма, какой-то аспект его конкретизации» [Там же: 29]. При характеристике составляющих слота употребляется термин «концепт». Для их обозначения чаще всего используются слова естественного языка. В данном контексте важно отметить, что в основе политических метафор лежит обыденная картина мира: автор апеллирует к бытовым представлениям адресата о мире. Концептуальные представления о том или ином фрагменте действительности могут не совпадать с лексическими инструментами его выражения. Так, концепт может не иметь языкового выражения или соотноситься с несколькими словами, а

одно слово может относиться к нескольким концептам. Данное обстоятельство обуславливает более широкое представление о метафоре в исследованиях концептуальной метафоры. Как отмечает Е. С. Кубрякова, концепт отражает представления «<...> о тех смыслах, которыми оперирует человек в процессах мышления и которые отражают содержание опыта и знания, содержание результатов всей человеческой деятельности и процессов познания мира в виде неких квантов знания» [Кубрякова (ред.) 1996: 90]. Комплекс концептов, присущих определенному национальному сознанию, образует концептуальную систему (или концептосферу).

Пятый компонент служит связующим звеном между первичными (в сфере-источнике) и метафорическими (в сфере-магните) смыслами охватываемых рассматриваемой моделью единиц [Чудинов 2013: 29]. В создаваемых метафорических проекциях можно разграничить два вида отношений между когнитивными структурами, о которых упоминалось ранее. Речь идет о конститутивных и конституирующих отношениях. Первые – отражаются в дискурсе, выражают типичные, уже существующие связи между когнитивными структурами. Вторые – устанавливаются в дискурсе посредством метафорической проекции [Будаев 2020: 250]. Второй тип связей особенно характерен для политического дискурса, где метафорические связи зачастую создаются самим автором.

Шестой компонент связан с дискурсивной характеристикой метафорической модели и объединяет авторские интенции, а также политические взгляды; политическую ситуацию и конкретными событиями на политической арене; прагматический потенциал модели и некоторые другие характеристики [Чудинов 2013: 30].

Седьмой, последний, компонент метафорической модели – ее продуктивность, то есть способность к развертыванию и наиболее частотные направления данного развертывания в дискурсе [Там же].

Для классификации метафорических моделей могут использоваться разные признаки. Во-первых, классификация может осуществляться по

исходной понятийной сфере: какие понятийные сферы распространяют свое значение на выбранное нами понятие (сферу-магнит). Во-вторых, можно рассматривать отдельные фреймы сферы источника: за основу берется не вся сфера-источник, а определенный фрейм. В-третьих, систематизация может происходить по сфере метафорического притяжения: на какие сферы распространяет свое влияние выбранная сфера-источник [Чудинов 2013: 33]. Для этого исследования классификация будет осуществляться по первой модели, так как рассматривается сфера-мишень «РОССИЯ».

В настоящей работе используется предложенная А. П. Чудиновым классификация разрядов метафорических моделей. Она включает в себя: антропоморфную, социоморфную, природоморфную и артефактную метафоры [Там же: 35–36].

Антропоморфная метафора – это такой тип метафор, для которой характерно представление об объектах и предметах действительности в их ассоциативной связи с различными человеческими формами и качествами. В данном разряде метафор анализу подвергаются концепты, относящиеся к таким понятийным сферам, как «Анатомия», «Физиология», «Болезнь», «Секс», «Семья» и др.

Если образцом для представления служат различные сферы социальной деятельности человек, то такой разряд метафор называют социоморфным. Данный разряд политических метафор зачастую составляют следующие понятийные сферы-источники: «Преступность», «Война», «Театр (зрелищные искусства)», «Экономика», «Игра и спорт».

Для природоморфных метафор характерно представление о предметах и явлениях действительности через призму ассоциации с миром животных, растений, неживой природы.

Термин артефактной метафоры представляет собой разновидность ассоциативного сравнения предметов и явлений действительности с миром вещей, созданных человеком [Чудинов 2001, 2013].

В силу особенностей отобранных для анализа примеров к данной классификации были добавлены еще другие разряды метафор. Так, в настоящей работе в качестве разряда выделяются исторические метафоры. Под ними подразумеваются отсылки в речи к историческим событиям, явлениям и личностям, которые помогают в осмыслении текущих событий. Также для удобства анализа метонимия, о роли которой в метафорическом моделировании упоминалось выше, выделяется в отдельный разряд метафор.

Выводы по главе 1

1. Политическая лингвистика – междисциплинарное направление, возникшее на стыке лингвистики и политологии. Исследованиям в данном направлении присущи антропоцентричность, функциональный характер и стремление не только указать на существование того или иного явления, но и объяснить его. На современном этапе важной особенностью работ по политической лингвистике также является дискурсивный подход.

2. Важная часть исследований по политической лингвистике – изучение политической метафоры. Настоящая работа основывается на теории концептуальной метафоры Дж. Лакоффа и М. Джонсона, которая утверждает, что метафора – это явление сознания. Также в основу работы легли достижения уральской школы политической метафорологии.

3. В данном исследовании из предложенных классификаций функций и видов метафор была принята классификация А. П. Чудинова (с некоторыми изменениями), так как является наиболее полной и подходящей для целей работы.

4. Из различных ракурсов дискурс-анализа в настоящей работе рассматриваются социальный идеологический и идиолектный, а также диахронический.

Глава 2. Исследование метафорических моделей со сферой-мишенью «РОССИЯ»

В данной главе выделены метафорические модели, которые участвуют в создании образа России в дискурсе комитетов Конгресса США. Лексические единицы отобраны из расшифровок заседаний комитетов, находящихся в открытом доступе на сайте Конгресса США.

2.1. Метонимическая модель «РОССИЯ – ПУТИН»

Одной из самых распространенных моделей, присущей подавляющему большинству спикеров, участвовавших в заседаниях комитетов, стала метонимия «РОССИЯ – ПУТИН». Американские конгрессмены и приглашенные ими эксперты отождествляют Россию с ее политическим лидером, а действия России на международной арене для них – непосредственная воля президента РФ:

Vladimir Putin is not our friend. He is an enemy. And Putin continues to use energy and gas as weapons against Europe. – Владимир Путин нам не друг. Он наш враг. И Путин продолжает использовать энергию и газ в качестве оружия против Европы [MARKUP OF H.R. 3352 ... : эл. ресурс].

The United States is probably the only thing standing between Vladimir Putin and Ukraine being completely overrun as part of Putin's fantasy to reconstruct the Soviet Union, which would be adverse to the national security interests of the United States, and every single fact witness before this Congress said so. – США – это, возможно, единственное, что стоит между Владимиром Путиным и полным захватом Украины и мечтой Путина о возрождении Советского Союза, что негативно сказалось бы на национальной безопасности Соединенных Штатов, о чем говорили все выступавшие перед этим Конгрессом свидетели [H. RES. 755 ... : эл. ресурс].

Своего рода отождествлением России и ее политического лидера является использование притяжательных конструкций:

And of course, because of the pandemic and broken supply chains, and now Vladimir Putin's war in Ukraine, I know a lot of families are experience higher costs because of inflation. – И, конечно, из-за пандемии и нарушения каналов поставок, а теперь и войны Владимира Путина на Украине, я знаю, что у многих семей выросли расходы в связи с инфляцией [HOW THE AMERICAN RESCUE ... : эл. ресурс].

Do you think that is a fair appraisal of where we are in the current relationship with Vladimir Putin's Russia? – Как Вы считаете, это справедливая оценка наших текущих отношений с Россией Владимира Путина [RUSSIAN BOUNTIES ON U.S. TROOPS ... : эл. ресурс]?

В ходе анализа было выявлено, что для американских конгрессменов президент Владимир Путин зачастую неотделим от самой России, вследствие чего он наделяется свойствами, присущими самой стране:

Putin's economy is in the tank. His financial reserves are running out. His military is no match against the United States. He has deployed a relatively small military and limited capability to Syria; yet, he will likely get what he wants, the preservation of the Assad regime. – Экономика Путина находится в кризисе. Его финансовые резервы на исходе. Его вооруженные силы не идут ни в какое сравнение с Соединенными Штатами. Он направил в Сирию относительно небольшую армию и ограниченный потенциал; тем не менее, он, скорее всего, получит то, что хочет, – сохранение режима Асада [U.S. COUNTERTERRORISM EFFORTS ... : эл. ресурс].

Помимо модели «РОССИЯ – ПУТИН» важным в данном контексте представляется модель-противопоставление «ПУТИН ≠ РОССИЯНЕ». Американские конгрессмены часто проводят это разделение и делают акцент на своем представлении о том, что действия российских властей и президента не соответствуют воле российского народа:

*I am glad we have hit the reset button, to finally acknowledge the Russian government is dangerous, that it is an enemy of human rights and democratic values. Having said that, I want to emphasize that the **Russian government is an adversary and its people are not. They are victims of their corrupt leadership.*** – Я рад, что мы нажали на кнопку перезагрузки, чтобы наконец признать, что российское правительство опасно, что оно враг прав человека и демократических ценностей. При этом, я хочу подчеркнуть, что российское правительство является противником, а его народ – нет. Они жертвы своего коррумпированного руководства [ASSESSING THE USE OF SANCTIONS ... : эл. ресурс].

*We keep talking about Russia. We get drawn into this. But **the Russian population is not Putin.** We have seen this in the past few weeks.* – Мы продолжаем говорить о России. Нас затягивает в это. Но население России – это не Путин. Мы стали свидетелями этого за последние несколько недель [S.Hrg. 116-540 ... : эл. ресурс].

В рамках когнитивного подхода можно сделать вывод, что такая метафорическая модель (отождествление страны и ее политического лидера) выполняет несколько функций. Когнитивная номинативно-оценочная функция в данном случае выражается в замене России как актора международных отношений на президента России Владимира Путина, что позволяет конгрессменам и экспертам проще выражать свое отношение, концентрируясь на конкретном человеке. Прагматическая эмотивная функция также напрямую связана с приданием конкретного «лица» России, так как это дает больше пространства для выражение своего отношения к объекту и для проявления эмоций.

Такой повышенный интерес к личности президента РФ в дискурсе Конгресса обуславливает его двойственный характер в структуре исследуемых метафорических моделей: Владимир Путин выступает и как сфера-источник (описанная выше метонимическая подмена), и как сфера-

мишень, следовательно, при анализе других метафорических моделей «РОССИЯ» и «ПУТИН» рассматриваются как равносильные понятия.

2.2. Социоморфная метафора

Значительная часть метафорических моделей со сферой-мишенью «РОССИЯ», сформированных в Конгрессе США, можно отнести к разряду социоморфной метафоры. Далее мы рассмотрим понятийные сферы-источники метафорической экспансии, относящиеся к данному разряду.

2.2.1. Милитарная метафора

Значительное место в дискурсе конгресса США занимает милитарная метафора по отношению к России. Так, сформировалась метафорическая модель «РОССИЯ – ВОЙНА».

*Our thoughts, of course, continue to be with the Ukrainian people, who are suffering under an **onslaught** by Vladimir Putin's Russia.* – Наши мысли, конечно, по-прежнему с украинским народом, который страдает под натиском России Владимира Путина [S.Hrg. 117-314 ... : эл. ресурс].

*U.S. policy on Russia has been intrinsically wrapped up in our Ukraine policy, given that Russian forces continue their **onslaught** against Ukrainian troops and civilians in the Donbas, an **onslaught** I will again note that was made easier by the delay in providing security assistance.* – Политика США в отношении России неразрывно связана с нашей политикой в отношении Украины, учитывая, что российские силы продолжают свое наступление на украинские войска и гражданское население на Донбассе; натиск, который, я еще раз отмечу, был облегчен задержкой с предоставлением помощи в области безопасности [S.Hrg. 116-273 ... : эл. ресурс].

Мы видим, что американские конгрессмены, говоря о специальной военной операции, начавшейся в феврале 2022 г., используют слово *onslaught*,

которое в английском языке обозначает ‘жестокое и решительное нападение’ [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. Оно выполняет прагматическую эмотивную функцию: это слово обладает ярко выраженной эмоциональной окраской и создает соответствующее негативное отношение к СВО, а также побуждает к симпатии и сопереживанию к тем, кто находится под этим «жестоким и решительным нападением».

Но если *onslaught* только косвенно соотносится к военным действиям в силу своего более широкого значения и применения, то следующие слоты уже более конкретно относятся к концепту «война».

*We have made clear that with this unjustified, unprovoked **invasion**, Putin has miscalculated. He has chosen to turn the Russian state into a pariah and to have the Russian people suffer as a result of it.* – Мы ясно дали понять, что с этим неоправданным, беспричинным вторжением Путин просчитался. Он решил превратить российское государство в изгоя и, как результат, заставить русский народ страдать [S.Hrg. 117-344 ... : эл. ресурс].

*Russia's **invasion** of Ukraine has assured Ukraine's Western orientation.* – Вторжение России в Украину обеспечило ориентацию Украины на Запад [S.Hrg. 116-204 ... 2019].

Здесь для осмысления и определения специальной военной операции используется слово *invasion* – ‘вторжение’. В английском языке *invasion* определяется как ‘вхождение армии одной страны в другую страну с целью силой захватить над ней контроль’ [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. Выполняемые здесь функции: когнитивная номинативно-оценочная и моделирующая.

Милитаризм в осмыслении деятельности России на международной арене не ограничивается специальной военной операцией 2022 г. на Украине. «Вторжением» на заседаниях комитетов Конгресса США также называют операцию по принуждению к миру в зоне конфликта в Южной Осетии в 2008 г.:

*There is a clear lesson from Moscow's **invasions** of Ukraine and Georgia.* – Из вторжений Москвы в Украину и Грузию можно извлечь наглядный урок [NATO AT 70 ... : эл. ресурс].

*They have also contributed regularly to all kinds of NATO operations and NATO exercises and have received lots of U.S. military training and equipment over the years, which – and that program accelerated quite a bit after President Putin's **invasion** of Georgia in 2008.* – Они также регулярно принимали участие во всех видах операций НАТО и учениях НАТО и на протяжении многих лет получали много военной подготовки и оборудования от США; и эта программа значительно ускорилась после вторжения президента Путина в Грузию в 2008 году [NATO AT 70 ... : эл. ресурс].

При помощи военной метафоры происходит осмысление скандала, связанного с обвинениями в адрес России о вмешательстве в президентские выборы в США 2016 г.:

*So – and then in the last election, of course, and 2018 and 2016, we know the conspicuous **invasion** of the foreign adversaries who utilize online tools to mislead voters, to utilize Russian bots which we expect to occur in the coming 2020 elections.* – Итак, конечно, на последних выборах, а также в 2018 и 2016 гг. мы знаем о заметном вторжении иностранных противников, которые используют онлайн-инструменты для введения избирателей в заблуждение, для использования российских ботов, что, как мы ожидаем, произойдет на предстоящих выборах 2020 года [ONLINE PLATFORMS AND ... : эл. ресурс].

Как видно из одного из предыдущих примеров и как не раз будет видно в дальнейшем, ответственность за эти «вторжения» возлагается на президента РФ. Владимир Путин снова выступает в качестве сферы-мишени метафорической модели «РОССИЯ – ВОЙНА»:

*And I fear that Xi Jinping will take a page from Putin's **playbook for conquest** to try to invade and exert dominance over the independent, sovereign nation of Taiwan.* – И я боюсь, что Си Цзиньпин позаимствует страницу из Путинской

методички для завоеваний и попытается вторгнуться и установить контроль над независимым, суверенным Тайванем [S.Hrg. 117-356 ... : эл. ресурс].

Продолжением военной направленности метафорического осмысления России является прямое именование действий Российской Федерации «войной». В дискурсе Конгресса США специальная военная операция в большинстве случаев называется «войной»:

For Dr. Marten, how many Wagner Group contractors are currently fighting in the war in Ukraine. – [Вопрос] для доктора Мартена, сколько наемников из ЧВК «Вагнер» на данный момент участвуют в войне на Украине [PUTIN'S PROXIES ... : эл. ресурс].

We know this war is wrong. – Мы понимаем, что эта война недопустима [ACCOUNTABILITY AND JUSTICE ... : эл. ресурс].

Через призму военных действий члены Конгресса и приглашенные эксперты рассматривают политику России в области энергетических ресурсов, обвиняя РФ в использовании энергии в качестве оружия:

You know, the thing that strikes me right now is that we're talking about this war on energy, the manipulation by the Russian government. – Вы знаете, что меня сейчас поражает, так это то, что мы говорим об этой энергетической войне, о манипуляциях со стороны российского правительства [U.S. EFFORTS TO SUPPORT ... : эл. ресурс].

That being said, Russia has a very long history of using energy resources especially as a form of economic warfare. – При этом Россия имеет очень долгую историю использования энергетических ресурсов, особенно в качестве формы экономической войны [The Department of Defense's Role ... : эл. ресурс].

Активность РФ в международных отношениях и инструменты, которыми по мнению конгрессменов США пользуется Россия, характеризуются как враждебные и военизированные:

Five years ago, I started to investigate the Kremlin tool of information psychological warfare, Russia's use of paid online propaganda workers. – Пять лет назад я начала исследовать кремлевский инструмент информационно-

психологической войны – использование Россией наемных работников онлайн-пропаганды [RUSSIAN DISINFORMATION ATTACKS ... : эл. ресурс].

Psychological warfare ('психологическая война') определяется как 'действия с целью заставить врага или оппонента потерять уверенность, почувствовать себя безнадежным, напуганным и т. д.' [Merriam-Webster Dictionary: эл. ресурс].

In 2014, NATO's military commander, Philip Breedlove, called the Kremlin's disinformation campaign targeting Ukraine the most amazing information warfare blitzkrieg we have ever seen in the history of information warfare. – В 2014 году Верховный главнокомандующий Объединенных вооруженных сил НАТО в Европе Филип Бридлав назвал дезинформационную кампанию Кремля, направленную против Украины, самым поразительным блицкригом информационной войны, который мы когда-либо видели в истории информационных войн [RUSSIAN DISINFORMATION ATTACKS ... : эл. ресурс].

Информационная война – это операция, проводимая с целью получения информационного преимущества над противником. Она заключается в контроле собственного информационного пространства, защите доступа к собственной информации при одновременном приобретении и использовании информации противника, разрушении его информационных систем и нарушении информационного потока [MEDIA – (DIS)INFORMATION – SECURITY: эл. ресурс].

Ukraine has long been a test lab for Russia's growing arsenal of political warfare. – Украина долгое время была испытательным полигоном России для ее растущего арсенала средств политической войны [S.Hrg. 116-204 ... : эл. ресурс].

В самом широком смысле политическая война – это использование всех имеющихся в распоряжении нации средств, за исключением войны, для достижения ее национальных целей [Theohary, Weiss: эл. ресурс].

And last, they have developed and in some ways perfected hybrid warfare. –

И последнее, они разработали и в некотором роде усовершенствовали средства гибридной войны [WITH AMERICAN LIVES ON THE LINE ... : эл. ресурс].

Под гибридной войной понимается такой вид враждебных действий, при котором нападающая сторона не прибегает к классическому военному вторжению, а подавляет своего оппонента, используя сочетание скрытых операций, диверсий, кибервойны, а также оказывая поддержку повстанцам, действующим на территории противника [Popescu 2015].

Таким образом, проводимая российским руководством внешняя политика расценивается и преподносится как различные формы ведения войны. Участники заседаний комитетов Конгресса США используют взаимосвязанные образы для описания как конкретного явления (СВО), так и всей внешней политики страны, и подводят его под категорию войны. Создается негативный образ государства. Россия представляется как враждебная страна, ведущая агрессивную внешнюю политику по отношению к ее соседям и противникам на международной арене. А ее политический лидер – как коварный завоеватель.

Милитарная метафора в дискурсе комитетов Конгресса США многофункциональна. Используемые языковые средства на когнитивном и прагматическом уровне подводят действия России под категорию военной агрессии и создает определенное отношение к политическим лидерам РФ и участникам специальной военной операции.

2.2.2. Криминальная метафора

Осмысление России в терминах криминальной сферы занимает существенную часть дискурса Конгресса. Анализ материалов Конгресса показал, что Россия и российские политики в сознании конгрессменов и экспертов имеют стойкую ассоциацию с криминальным миром. Так, мы

приходим к анализу метафорической модели «РОССИЯ – ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО».

Так, одним из ключевых слотов в данной метафорической модели становится слово *thug* и его вариации, с помощью которых происходит осмысление политической верхушки Российской Федерации:

Putin and his thugs continue to tighten their grip on freedom of speech, expression, and access to information and economic opportunity. – Путин и его головорезы продолжают ужесточать контроль над свободой слова, самовыражения, доступом к информации и экономическим возможностям [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA: эл. ресурс].

Again, let me be clear that Vladimir Putin remains a KGB thug who has invaded a peaceful democratic Ukraine. – Еще раз позвольте мне прояснить, что Владимир Путин остается головорезом КГБ, который вторгся в мирную демократическую Украину [S.Hrg. 117-314 ... : эл. ресурс].

В Английском языке *thug* означает ‘жестокий преступник’ [Collins English Dictionary: эл. ресурс]. Из рассмотренных примеров можно сделать вывод, что члены Конгресса видят руководство России как преступную «бандитскую» группировку, а президента РФ – как лидера этой группировки.

Другой слот, относящий России к преступным организациям, включает метафорическое осмысление политической верхушки страны как мафии.

Russia is a mafia-run gas station parading as a country. – Россия – это заправочная станция, управляемая мафией, прикидывающаяся страной [S.Hrg. 117-254 ... : эл. ресурс].

Russia is a Mafia-run gas station with nuclear weapons. – Россия – это заправочная станция с ядерным оружием, управляемая мафией [NEAR-PEER ADVANCEMENTS ... : эл. ресурс].

Россия представляется в качестве организованной преступной группировки. С данным образом тесно переплетаются метафоры, направленные на представление российского правительства как коррумпированной организации:

*In short, under the **corrupt** leadership of Vladimir Putin, Russian authoritarianism and kleptocracy know no bounds.* – Говоря вкратце, под коррумпированным руководством Владимира Путина российский авторитаризм и клептократия не знают границ [UNDERSTANDING AUTHORITARIANISM ... : эл. ресурс].

*Nord Stream 2 will be used by the Kremlin as a mechanism to **export corruption** throughout Europe.* – «Северный поток-2» будет использоваться Кремлем как механизм для экспорта коррупции по всей Европе [UNDERSTANDING AUTHORITARIANISM ... : эл. ресурс].

В данный слот попадает и основная статья экспорта Российской Федерации – топливо. Участники заседаний комитетов Конгресса видят коррупцию как элемент российской политической системы, который Россия «продает» в Европу с целью распространения своего влияния.

Помимо коррупции, по представлениям американских политиков, в России процветают практики фаворитизма:

*Finally, it's critical to note how this **crony government** enriches itself while oppressing the everyday citizens of Russia.* – Наконец, важно отметить, как это правительство, состоящее из закадычных друзей, обогащается, одновременно угнетая обычных граждан России [UNDERSTANDING AUTHORITARIANISM ... : эл. ресурс].

*<...> by holding **Putin and his cronies** accountable for the crimes that they have committed against their own people.* – <...> привлекая Путина и его приспешников к ответственности за преступления, которые они совершили против собственного народа [UNDERSTANDING AUTHORITARIANISM ... : эл. ресурс].

Cronyism определяется как ‘практика, при которой отдается предпочтение близким друзьям, в особенности, при назначении на политические должности’ [The Britannica Dictionary: эл. ресурс]. Также здесь в очередной раз происходит противопоставление населению России: граждане РФ представляются как жертвы преступной деятельности правительства.

Метафорический образ президента РФ и его политики подкрепляется следующими примерами:

Unfortunately, Putin's gangster ways are not confined to his foreign policy. – К сожалению, бандитские замашки Путина не ограничиваются его внешней политикой [MARKUP of H. Res. 75 ... : эл. ресурс].

Владимир Путин представляется как лидер криминальной банды, действующий соответственно во внешнеполитической сфере и не только. А для достижения своих «криминальных» целей, в представлении американских конгрессменов, он использует своих «приспешников»:

<...> and political opponents murdered by Putin's henchmen in their quest to silence all criticism of the Kremlin. – <...> и политические оппоненты, убитые приспешниками Путина в их стремлении заткнуть всю критику в адрес Кремля [MARKUP of H. Res. 75 ... : эл. ресурс].

В английском языке слово *henchman* имеет пренебрежительный характер и определяется как 'верный последователь или политический сторонник, особенно тот, кто готов пойти на преступление или насилие в качестве службы' [Cambridge Dictionary: эл. ресурс].

Российская внешняя политика рассматривается через призму криминальной сферы и характеризуется как различные виды преступлений:

<...> thousands of women and children have been killed or wounded during the Russian assault. – <...> тысячи женщин и детей были убиты или ранены во время российского нападения [THE U.S. AND INTERNATIONAL ... : эл. ресурс].

<...> for this region and for these nations that are really trying to struggle under the constant assault, both physical as well as just mental disinformation assault, from Russia. – <...> для этого региона и для этих стран, которые действительно пытаются бороться под постоянным давлением, как физическим, так и просто ментальным, дезинформационным, со стороны России [S.Hrg. 117-219 ... : эл. ресурс].

В юридической сфере *assault* означает ‘угроза или попытка произвести вредоносный физический контакт или телесные повреждения лицу, которые подвергают это лицо непосредственной опасности такого вреда или контакта’ [Merriam-Webster Dictionary: эл. ресурс]. Важным элементом является то, что *assault* производится с позиции силы в отношении более слабой стороны.

В слоте «убийство – убийца» участники заседаний комитетов Конгресса США располагают как самого президента РФ, так российских военных-участников специальной военной операции на Украине:

<...> *we may soon see millions of these indiscriminate **killers** unleashed on Ukraine* – <...> вскоре мы можем увидеть, как миллионы этих действующих без разбора убийц обрушатся на Украину [EARLY SIGNS OF WAR CRIMES ... : эл. ресурс].

*Vladimir Putin is a **killer**. **Killers** don't deserve a blank check from the IMF, do they?* – Владимир Путин – убийца. Убийцы не заслуживают карт-бланш от МВФ, не так ли [OVERSIGHT OF THE TREASURY ... : эл. ресурс]?

В своих высказываниях о президенте РФ участники заседаний комитетов Конгресса используют лексику, которая ставит Владимира Путина в статус преступника:

*The Biden administration's efforts to unify the entire world against the **murderous** tyrant in Moscow is commendable.* – Усилия администрации Байдена по объединению всего мира против кровожадного тирана в Москве заслуживают похвалы [S.Hrg. 117-344 ... : эл. ресурс].

<...> *this brutal, terrorist **murderer**, Vladimir Putin, **killing** people.* – <...> этот жестокий террорист-убийца Владимир Путин убивает людей [S.Hrg. 117-344 ... 2022].

To murder, в отличие от *to kill*, никогда не может быть оправданным. В юридической практике *murder* – это ‘незаконное предумышленное убийство’ [Merriam-Webster Dictionary: эл. ресурс].

*We have seen Vladimir Putin invade allies, interfere in democratic elections, support **genocide** in Syria, and attempt to destabilize the Middle East.* – Мы видели,

как Владимир Путин вторгался к союзникам, вмешивался в демократические выборы, поддерживал геноцид в Сирии и пытался дестабилизировать Ближний Восток [MARKUP OF H.R. 6986 ... : эл. ресурс].

Под геноцидом понимаются «действия, совершаемые с намерением уничтожить, полностью или частично, какую-либо национальную, этническую, расовую или религиозную группу как таковую» [Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него: эл. ресурс]. Геноцид считается тягчайшим преступлением против человечества, и, в понимании членов Конгресса США, президент России выступает как сторонник таких преступлений.

Метафорическое осмысление внешней политики РФ в дискурсе Конгресса США зачастую отличается приписыванием противоправного характера действиям российского руководства. Членами заседаний используются различные лексические единицы, обладающие собственными особенностями значения и коннотации:

<...> *we are in the thick of a war, twenty-first day of an **unlawful** assault on Ukraine.* – <...> мы находимся в гуще войны, двадцать первый день незаконного нападения на Украину [EARLY SIGNS OF WAR CRIMES ... : эл. ресурс].

*Both the World Bank and the European Bank for Reconstruction and Development (EBRD) have ceased approving new financing for Russia since the **unlawful** annexation of Crimea in 2014.* – И Всемирный банк, и Европейский банк реконструкции и развития (ЕБРР) прекратили одобрять новое финансирование для России после незаконной аннексии Крыма в 2014 году [THE ANNUAL TESTIMONY ... : эл. ресурс].

Первое в списке слов, приписывающих действиям России противоправный характер, – это *unlawful*. В английском языке обозначает нечто ‘не одобренное законом, но не обязательно противоречащее ему’ [Monder Criminal Lawyer Group: эл. ресурс].

*Putin's Russia undermines democratic processes and institutions around the world through various means such as **illicit finance**, so-called dark money, and **corruption**.* – Путинская Россия подрывает демократические процессы и институты по всему миру с помощью различных средств, таких как незаконное финансирование, так называемые «темные деньги» и коррупцию [UNDERMINING DEMOCRACY ... : эл. ресурс].

Для *illicit* характерен сильный оттенок безнравственности совершаемого действия, и оно означает ‘запрещенный законом, правилами или обычаями’ [Monder Criminal Lawyer Group: эл. ресурс].

*Russia has a history of waging war and deploying **illegal** and aggressive tactics.* – У России есть история ведения войн и применения незаконной и агрессивной тактики [S.Hrg. 117-219 ... : эл. ресурс].

*It has been 12 weeks since Russia's **illegal** and unjust invasion of Ukraine.* – Прошло 12 недель с момента незаконного и несправедливого вторжения России в Украину [THE IMPACT OF RUSSIA'S INVASION ... : эл. ресурс].

Illegal в английском языке используется для описания действий, напрямую нарушающих существующие законы и влекущих за собой определенные последствия [Monder Criminal Lawyer Group: эл. ресурс].

*<...> that puts President Trump on good terms with the corrupt and **criminal** government of Vladimir Putin.* – <...> это ставит президента Трампа в хорошие отношения с коррумпированным и преступным правительством Владимира Путина [EXPOSING AND DEMANDING ... : эл. ресурс].

*These **criminals**, they do not want to take your money. They want to capture your thinking and control you.* – Эти преступники, они не хотят брать ваши деньги. Они хотят захватить ваше мышление и контролировать вас [RUSSIAN DISINFORMATION ATTACKS ... : эл. ресурс].

В юридической сфере *criminal* подразумевает нечто «наказуемое, согласно уголовному праву» [Monder Criminal Lawyer Group: эл. ресурс]. Из всех рассмотренных в данной группе слов наиболее часто американские конгрессмены и приглашенные эксперты используют *illegal*.

В русле анализа применения криминальной метафоры внимания заслуживают отсылки к популярной культуре. Так, российские политики сравниваются с криминальной «семьей» из сериала «Клан Сопрано»:

<...> *but I think Putin and company are kind of the Russian version of the Sopranos.* – <...> но мне кажется, что Путин и его компания – это русская версия клана Сопрано [WITH AMERICAN LIVES ON THE LINE ... : эл. ресурс].

«Клан Сопрано» – телевизионная драма, выходявшая на канале HBO с 1999 г. по 2007 г. Данный сериал считается одним из самых влиятельных и успешных телевизионных программ в истории; ему приписывается начало Второго Золотого века телевидения [Internet Movie Database: эл. ресурс].

Таким образом, в дискурсе комитетов Конгресса США создается крайне негативный образ России и ее политического руководства. Используемые метафоры выполняют когнитивные и коммуникативные функции, а также обладают существенным прагматическим потенциалом. Россия представляется как преступное сообщество; политическая верхушка, в частности президент, – как опасные и жестокие преступники; а действия России на международной арене в глазах американских конгрессменов идут вразрез с нормами мораль и права. Используя подобные образы для аргументации своей точки зрения, члены Конгресса не только выражают свое отношение к России и российским политикам, но и побуждают к соответствующей реакции со стороны остальных членов. А использование отсылок к популярной культуре упрощает закрепление соответствующих криминальных образов и позволяет апеллировать к более широкому кругу слушателей на эмоциональном уровне.

2.2.3. Авторитарная метафора

В дискурсе Конгресса США при характеристике России часто используются термины, связанные с авторитарными политическими

режимами. Основной сферой-мишенью в данном контексте выступает президент РФ Владимир Путин. Таким образом, мы переходим к рассмотрению метафорической модели «РОССИЯ – АВТОРИТАРНОЕ ОБЩЕСТВО».

*I think we should reject **authoritarians**, regardless of the ideology, and that would include **despots** like Vladimir Putin and Kim Jong Un.* – Я думаю, мы должны отвергать авторитаристов, независимо от идеологии, и это включает в себя таких деспотов, как Владимир Путин и Ким Чен Ын [VENEZUELA AT A CROSSROADS: эл. ресурс].

*Today, Beijing and Moscow are driving global **authoritarian** expansion to increasingly-sophisticated digital **authoritarian** surveillance and control tools ...* – На сегодняшний день Пекин и Москва стимулируют глобальную авторитарную экспансию, используя все более совершенные цифровые авторитарные инструменты наблюдения и контроля ... [S.Hrg. 117-5 ... : эл. ресурс]

Авторитаризм подразумевает принуждение к строгому подчинению власти в ущерб личным свободам. Такой политический режим противоречит ключевым ценностям, которые транслируют американские политики: свобода и демократия [Ezrow, Frantz 2011]. Следовательно, Россия и ее политический лидер выступают как прямая противоположность США.

Характерным продолжением образа России как авторитарной страны является образ президента как деспота и тирана:

*<...> especially in an international context in which Vladimir Putin and other **tyrants** and **despots** are interfering to destabilize elections around the world? – <...> особенно в международном контексте, в котором Владимир Путин и другие тираны и деспоты своим вмешательством дестабилизируют выборы по всему миру [THE IMPEACHMENT INQUIRY ... : эл. ресурс]?*

*Our experience of buying Russian energy taught us or should have taught us that buying energy from **tyrants** is a dangerous proposition.* – Наш опыт покупки

российской энергии научил нас или должен был научить тому, что покупать энергию у тиранов – опасное занятие [S.Hrg. 117-419 ... : эл. ресурс].

Данные лексические единицы (*despot, tyrant*) используются для описания правителя, обладающего абсолютной единоличной властью и отличающегося жестокостью [Macmillan Dictionary: эл. ресурс].

В дискурсе Конгресса США модель «РОССИЯ – АВТОРИТАРНОЕ ОБЩЕСТВО» также дополняется слотом «диктатура/диктатор»:

Do Russian families really want to sacrifice their sons and daughters to the ego of a dictator in the Kremlin? – Действительно ли россияне хотят жертвовать своим сыновьями и дочерьми, чтобы потешить самолюбие диктатора в Кремле [S.Hrg. 117-254 ... : эл. ресурс]?

Whether we think of China, or Russia, or one of the other smaller dictatorships <...> – Думаем ли мы о Китае, или о России, или об другой диктатуре поменьше <...> [MARKUP OF H.R. 2615 ... : эл. ресурс]

<...> *this is a particular opportunity for the DFC to go out and build renewable energy capability in countries that are desperate to find sources other than petro dictator regimes like Russia.* – <...> это особая возможность для Международной финансовой корпорации развития США вступить в дело и создать потенциал для развития возобновляемых источников энергии в странах, которые отчаянно пытаются найти источники энергии, кроме нефтяных диктаторских режимов, таких как Россия [S.Hrg. 117-288 ... : эл. ресурс].

Возникшее для обозначения должностного лица в Древнем Риме, которому предоставлялись чрезвычайные полномочия, в настоящее время слово «диктатор» используется для обозначения правителя, обладающего абсолютной властью. Такому правителю также приписываются следующие характеристики: репрессии в отношении политических оппонентов, неподчинение принципу верховенства закона, ограничение гражданских свобод, вмешательство в выборы и культ личности правителя [Merriam-Webster Dictionary: эл. ресурс].

Как видно из примеров, в данной метафорической модели также присутствует осмысление позиции России как экспортера энергоресурсов с позиции диктатуры: использование энергетических ресурсов для распространения своей власти на международной арене.

Таким американские конгрессмены видят Владимира Путина, и этот образ перерос в новый термин, который используется для наименования существующего в России политического режима:

Putinism means authoritarianism and kleptocracy. – Путинизм означает авторитаризм и клептократия [EXPOSING AND DEMANDING ... : эл. ресурс].

Putinism is not Russia's fate <...> – Судьба России не путинизм <...> [EXPOSING AND DEMANDING ... : эл. ресурс]

Термин *putinism* получил широкое распространение после публикации эссе писателя и журналиста Уильяма Сафира в газете *The New York Times* 31 января 2000 г. [Safire: эл. ресурс] «Путинизму» приписываются все характеристики авторитарных режимов; правительство состоит из коррумпированных политиков, использующих свою политическую власть для преувеличения собственного богатства за счет населения страны. Здесь также продолжается идея противопоставления российского правительства и населения России, указывается на то, что такой политический режим («путинизм») – это неверный путь для России.

Функциональная составляющая данной модели ярко проявляется по всем четырем направлениям: когнитивная, коммуникативная, прагматическая и эстетическая. Американские конгрессмены создают новые реалии для обозначения политического режима в России; используют лексические единицы с выраженным негативным прагматическим потенциалом: метафоры модели «РОССИЯ – АВТОРИТАРНОЕ ОБЩЕСТВО» создают образ Российской Федерации как страны с коррумпированным правительством, злоупотребляющим своей политической властью, во главе с жестоким авторитарным президентом. Помимо узкого смысла для специалистов в сфере политики и международных отношений данные слова имеют определенное

значение и эмоциональную окраску в сознании широкой общественности, что позволяет доступно и в более экспрессивной форме передавать сложные концепции. Россия представляется врагом главных ценностей американского общества: свободы и демократии.

2.2.4. Другие социоморфные метафоры

Менее частотные лексические единицы формирования метафорического образа России можно разделить еще на несколько моделей.

Метафора соперничества

Здесь мы рассмотрим метафорическую модель «РОССИЯ – СОПЕРНИК» Осмысление России происходит в терминах соперничества, соревнования. В контексте отношений с США американские конгрессмены видят РФ в качестве врага:

Russia has been a cold war enemy, has been an enemy of NATO, and they are an enemy of the United States today. – Россия была врагом во времена холодной войны, после – стала и продолжает быть врагом НАТО, и они сейчас враги США [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA: эл. ресурс].

Также указывается на длительный статус врага у России: от холодной войны до настоящего времени.

Рассмотрение России в качестве врага демократии и прав личности (одни из ключевых ценностей американского общества), о котором говорилось ранее, также прослеживается и в данной метафорической модели:

<...> acknowledge the Russian government is dangerous, that it is an enemy of human rights and democratic values. – *<...>* признать опасность российского правительства и что они враги прав человека и ценностей демократии [ASSESSING THE USE OF SANCTIONS ... : эл. ресурс].

Говоря о глобальных врагах США, американские конгрессмены ставят Россию в один ряд с террористическими организациями и с странами, находящимися под санкциями ООН:

<...> *America's enemies – ISIS, Russia, and Iran.* – <...> враги Америки: ИГИЛ, Россия и Иран [THE BETRAYAL OF ... : эл. ресурс].

Владимир Путин в данной модели, как и в рассмотренных ранее, выступает также в качестве сферы-мишени метафорического осмысления:

Vladimir Putin is not our friend. He is an enemy. – Владимир Путин нам не друг. Он – враг [MARKUP OF H.R. 3352 ... : эл. ресурс].

В контексте противостояния на международной арене Россия расценивается как угроза:

This is part of a pattern of failure to recognize the importance of a united and unambiguous U.S. response to the escalating threats we face from the Kremlin. – Это часть нашей постоянной проблемы с тем, чтобы признать важность единого и однозначного ответа на возрастающую угрозу Кремля [WITH AMERICAN LIVES ON THE LINE ... : эл. ресурс].

В то же время указывается на текущий и более срочный характер угрозы со стороны России, проводится сравнение с Китаем и в долгосрочной перспективе приоритет отводится именно ему:

Russia may be urgent, maybe more provocative, but, of course, the pacing threat <...> right now is China. – Россия, скорее, более острая угроза, более провокационная, но, конечно, долгосрочная угроза <...> сейчас – Китай [RUSSIA AND ARMS CONTROL ... : эл. ресурс].

Еще один слот во фрейме «соперничество/соревнование» – *adversary* ('соперник'):

He has worked to prevent the proliferation of weapons of mass destruction and efforts to counter U.S. adversaries like Russia and China. – Он работал над нераспространением ОМУ и над борьбой с соперниками США, такими как Россия и Китай [RUSSIAN BOUNTIES ON U.S. TROOPS ... : эл. ресурс].

We chose to open our system up in a way that the Russian and Chinese adversaries can attack us. – Мы сами выбрали подставить нашу систему так, что наши российские и китайские соперники могут нас атаковать [UNDERSTANDING AUTHORITARIANISM ... : эл. ресурс].

В английском языке *enemy* и *adversary* во многих ситуациях синонимичны, но отличаются семантическими свойствами. Противник – это тот, кого вы хотите победить. Враг – это тот, кого вы должны уничтожить. С противниками компромисс почетен: сегодняшний противник может стать завтрашним союзником. С другой стороны, с врагами компромисс – это умиротворение агрессора. Между противниками возможно доверие. Между врагами – нет [Ignatieff 2013].

Таким образом, в дискурсе Конгресса США сформирован образ России как противника США, а метафорическая модель «РОССИЯ – ПРОТИВНИК» выполняет когнитивные и прагматические функции.

Террористическая метафора

Следующая рассматриваемая модель – «РОССИЯ – ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО». В рамках данной модели формируется представление о России как о стране, поддерживающей терроризм:

*Third, Russia sponsors terrorist acts in foreign countries <...> I don't see how one can characterize these actions as anything other than **state-sponsored terrorism**.* – В-третьих, Россия спонсирует террористические акты в других государствах <...> Я не понимаю, как можно охарактеризовать эти действия как что-то кроме государственного терроризма [RUSSIA'S COUNTERPRODUCTIVE ... : эл. ресурс].

<...> *state sponsors of terror, such as Iran, Venezuela, Russia, and China.* – <...> государства-спонсоры террора, такие как Иран, Венесуэла, Россия и Китай [STATE, FOREIGN OPERATIONS ... : эл. ресурс].

Государство-спонсор терроризма, согласно официальной позиции государственного департамента США, – это государство, которое неоднократно оказывало поддержку актам международного терроризма [United States Department of State: эл. ресурс]. Несмотря на то, что, по заявлениям официальных лиц в США, Россия не вписывается в рамки закона

о государствах-спонсорах терроризма, в дискурсе Конгресса России в некоторых случаях приписывается данный статус.

Также американские конгрессмены видят РФ как главную угрозу кибертерроризма в мире:

*<...> a Russian invasion of Ukraine could trigger a sequence of events that could raise the risk of **cyberterrorism** from Russia or from Russian state-sponsored cyber actors?* – *<...> российское вторжение в Украину может спровоцировать последовательность событий, которые могут повысить риск кибертерроризма со стороны России или киберпреступников, спонсируемых российским государством [THE DYNAMIC TERRORISM ... : эл. ресурс]?*

Федеральное бюро расследований США (ФБР) определяет кибертерроризм как любую «преднамеренную, политически мотивированную атаку на информацию, компьютерные системы, компьютерные программы и данные, которая приводит к насилию против мирных целей со стороны субнациональных групп или тайных агентов» [The Federal Bureau of Investigation: эл. ресурс].

Вновь сферой-мишенью в метафорической модели выступает президент Российской Федерации:

*<...> this brutal, **terrorist** murderer, Vladimir Putin, killing people.* – *<...> этот жестокий террорист-убийца Владимир Путин убивает людей [S.Hrg. 117-344 ... : эл. ресурс].*

Когнитивные и прагматические смыслы метафорической модели «РОССИЯ – ТЕРРОРИСТИЧЕСКОЕ ГОСУДАРСТВО» имеют резко негативный характер, так как терроризм считается одной из главных угроз международной безопасности в современном мире [The United Nations Office of Counter-Terrorism: эл. ресурс].

Монархическая метафора

Метафорическая модель «РОССИЯ – МОНАРХИЯ» является не самой частотной, но довольно примечательной. Президент РФ выступает сферой-

мишенью метафорического осмысления и представляется человеком, желающим быть императором:

*On the one hand you have Putin, the **would-be emperor**.* – С одной стороны, у нас есть Путин, воображающий себя императором [NOT-SO-GOOD NEIGHBORS ... : эл. ресурс].

Говоря о связи российского правительства и олигархов, американские конгрессмены приписывают олигархам статус инструмента распространения российского империализма через экономическую сферу:

*Oligarchs, in a way, express **Russian imperialism** through the economic arena.* – Олигархи, в некотором смысле, выражают российский империализм на экономической арене [S.Hrg. 116-108 ... : эл. ресурс].

Внешняя политика России, в сознании членов Конгресса США, мотивирована стремлением восстановить Российскую империю:

*In pursuit of his terrible plan for the **rebirth of a Russian Empire**, Vladimir Putin is presiding over a military that is losing on the battlefield <...>* – Преследуя свой ужасный план возрождения Российской империи, Владимир Путин руководит вооруженными силами, которые проигрывают на поле боя <...> [ACCOUNTABILITY AND JUSTICE ... : эл. ресурс]

Значение монархической метафоры, ее когнитивный и прагматический потенциал, напрямую отслеживается в заявлениях членов Конгресса, отобранных в ходе исследования:

*Russia will never be able to cease being an **empire**, and an **empire**, by definition, **cannot be a true democracy**.* – Россия никогда не сможет перестать быть империей, а империя по определению не может быть истинной демократией [S.Hrg. 117-219 ... : эл. ресурс].

Таким образом, создается негативный образ самой России, российских политиков, а также отмечается невозможность улучшения отношений в будущем.

Отсылки к популярной культуре

Метафорическое осмысление России в дискурсе Конгресса США происходит также при помощи реалий американской культуры. Российские политики и их человеческие качества противопоставляются американским бойскаутам:

*<...> we must understand the nature of diplomacy with the Kremlin. They are not **Boy Scouts**.* – *<...>* мы должны понимать природу дипломатии с Кремлем. Они не бойскауты [DEFENDING U.S. ALLIES ... : эл. ресурс].

Миссия Организации Американских Бойскаутов – подготовить молодых людей к принятию этических и нравственных решений на протяжении всей их жизни. В американской культуре с образом бойскаутов связывают такие качества как надежность, верность, услужливость, дружелюбность, чуткость, доброта, храбрость [Boy Scouts of America: эл. ресурс]. В глазах американских конгрессменов, российские политики не имеют данных качеств, и, следовательно, создается образ аморальных людей, с которыми нельзя иметь дело.

К этой же группе можно также отнести упомянутое ранее сравнение российской политической элиты с преступной семьей из сериала «Клан Сопрано».

2.3. Антропоморфная метафора

В данном параграфе будут рассмотрены метафорические модели, относящиеся к разряду антропоморфных.

Метафора аморального поведения

Достаточно широкое распространение в дискурсе комитетов Конгресса США получила модель «РОССИЯ – АМОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ». Та часть внешней политики Российской Федерации, которая расценивается не как преступные действия, в оценке членов Конгресса, попадает в категорию аморального поведения. Метафоры этой модели соседствуют

с концептуальными векторами бесчестного поведения, заслуживающего порицания.

Так, Россия предстает как страна, использующая свою силу, чтобы терроризировать более слабых акторов международных отношений:

*I am just reminded as we close that Russia and the things that they have done, these attacks, are like **bullies**. And many times **bullies** cannot build themselves up. If they cannot stand on their own success and merits, they have to tear others down.*

– Сейчас под конец мне вспомнилось, что Россия и то, что она сделала, эти нападения, похожи на хулиганство. И часто хулиганы не могут самоутвердиться. Если они не могут опереться на свой собственный успех и заслуги, им приходится унижать других [RUSSIAN DISINFORMATION ATTACKS ... : эл. ресурс].

*<...> where Russia and China have used their veto powers and ability to **bully** non-permanent members to stymie the Council's work.* – *<...>* где Россия и Китай используют свое право вето и возможность запугивать непостоянных членов, чтобы препятствовать работе Совета [S.Hrg. 117-45 ... : эл. ресурс].

Слово *bully* ('хулиган, задира') в английском языке означает 'человек, который обычно стремится причинить вред или запугать тех, кого он считает уязвимыми', и зачастую оно применяется в отношении детей, которые грубо обращаются с другими детьми [Merriam-Webster Dictionary: эл. ресурс].

Другие метафоры уже связаны с более серьезными формами аморального поведения. В экономической сфере, в частности торговле энергоресурсами, Россия, по мнению членов Конгресса и экспертов, прибегает к шантажу, принуждению и манипуляциям:

*In addition to its military aggression, Russia has repeatedly used energy as a weapon to **blackmail** countries dependent on Russian energy sources.* – Вдобавок к военной агрессии, Россия не раз использовала топливо в качестве орудия шантажа против стран, которые зависят от российских энергетических ресурсов [MARKUP OF: H.R. 920 ... : эл. ресурс].

... it would hurt all of Europe by making Western Europe more dependent on Russian energy, more subject to economic coercion, more subject to economic blackmail. – <...> сделать Западную Европу более зависимой от российских энергоносителей, более подверженной экономическому принуждению, более подверженной экономическому шантажу повредило бы всей Европе [S.Hrg. 116-273 ... : эл. ресурс].

<...> and the United Arab Emirates to be able to defend themselves better from Chinese or Russian coercion. – <...> и Объединенные Арабские Эмираты, чтобы иметь возможность лучше защищать себя от китайского или российского принуждения [S.Hrg. 116-263 ... : эл. ресурс].

We know that Russia has long used energy as a weapon to coerce, manipulate, and create conflict in Europe and Eurasia <...> – Мы знаем, что Россия на протяжении долго времени использовала топливо в качестве орудия для принуждения, манипуляции и создания конфликтов в Европе и Евразии <...> [MARKUP OF: H.R. 920 ... : эл. ресурс].

Значительную часть обсуждений России в дискурсе Конгресса занимает ее роль в президентских выборах в США в 2016 и 2020 гг.:

For a long time, I have been urging tougher sanctions on Russia for interfering in our elections. – В течение долгого времени я призывал к ужесточению санкций в отношении России за вмешательство в наши выборы [ASSESSING THE USE OF SANCTIONS ... : эл. ресурс].

I was part of the 2016 Gang of Eight briefing on their attempt to meddle. – Я был участником Банды Восьми в 2016 году, на котором обсуждалась их попытка вмешаться [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA: эл. ресурс].

Несмотря на отсутствие решительных доказательств вмешательства России, что отражено в «Докладе Мюллера» [Report On The Investigation Into Russian Interference In The 2016 Presidential Election: эл. ресурс], члены Конгресса напрямую обвиняют Россию во вмешательстве и используют соответствующие лексические единицы, чтобы описать Россию как бесчестного нарушителя американского суверенитета.

Как будет видно далее в некоторых других метафорических моделях, Россия в сознании американских конгрессменов – враг демократии; по их мнению, российские политики готовы использовать любые методы, чтобы препятствовать распространению демократии и использовать демократические институты в своих интересах:

*A revanchist Kremlin has acted to **halt** the democratic advance, to **undermine** our post-Cold War gains <...> Russia **found leverage in exploiting** corruption and weak institutions. Moscow <...> **manipulated** the Orthodox Church. In Serbia, Moscow has coupled these **coercive** tools with its position <...>* – Реваншистский Кремль предпринял действия, направленные на то, чтобы препятствовать развитию демократии, чтобы подорвать наши достижения после окончания холодной войны <...> Россия нашла рычаги давления, используя коррупцию и слабые институты в своих целях. Москва <...> манипулировала Православной церковью. В Сербии Москва соединила эти инструменты принуждения со своей позицией <...> [S.Hrg. 116-540 ... : эл. ресурс].

Как мы видим, внешняя политика России в постсоветский период прочно ассоциируется с концепцией реваншизма. Реваншизм – стремление государств, партий или общественных групп к реваншу путём пересмотра результатов нанесённых им военных или политических поражений [Краткий политический словарь 1988: 365–366]. Можно сделать вывод, что в сознании американских конгрессменов сознании холодная война закончилась поражением России, а следующие 20 лет ее внешней политики мотивированы желанием восстановить потерянное влияние.

Россия также представляется как страна, не только использующая чужие конфликты в своих интересах, но и провоцирующая нестабильность и конфликтные ситуации в мире:

*Russia invaded and occupied Crimea, **instigated** an ongoing conflict in eastern Ukraine that has killed over 13,000 people* – Россия вторглась и оккупировала Крым, спровоцировала до сих пор продолжающийся конфликт

на востоке Украины, в результате которого погибло более 13 000 человек [S.Hrg. 116-204 ... : эл. ресурс].

*The United Nations exists to ensure international peace and security, but two of its members are the **instigators** of insecurity around the globe.* – Организация Объединенных Наций существует для обеспечения международного мира и безопасности, но два ее члена являются зачинщиками беспокойства по всему миру [S.Hrg. 116-158 ... : эл. ресурс].

Instigate ('подстрекать') подразумевает ответственность за инициирование или поощрение чьих-либо действий и обычно предполагает сомнительные или коварные намерения [Merriam-Webster Dictionary: эл. ресурс].

Поведение РФ и ее институты характеризуются как «чрезвычайно жестокие и неприятные» [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]:

*Russia's continued exportation of almost eight million barrels per day of oil continues to fund their **barbaric** war machine.* – Продолжающийся экспорт Россией почти восьми миллионов баррелей нефти в день продолжает финансировать их варварскую военную машину [THE ANNUAL REPORT ... : эл. ресурс].

*But it is unfathomable to me that the Russian government continues to be unchecked as it engages in a systemic and aggressive policy to **undermine, dismantle, and disrupt** American alliances.* – Но для меня непостижимо, что российское правительство продолжает беспрепятственно проводить системную и агрессивную политику, цель которой подорвать и разрушить американские союзы [RUSSIAN BOUNTIES ON U.S. TROOPS ... : эл. ресурс].

Прагматический смысл такой метафорической модели поведения России можно подытожить следующим образом: Россия – ненадежный и бесчестный участник международных отношений; тактики российских политиков жестокие и безнравственные, а на пути к своим целям они не побрезгуют любыми средствами, чтобы подорвать работу свободных демократических государств и институтов, и воспользуются этим в своих

целях. Основная мотивация для России, по мнению американских конгрессменов, – это желание вернуть былое величие и восстановить влияние России на международной арене.

Другие антропоморфные метафоры

*As we have talked about today, I do not think Putin's Russia is **a thousand feet tall**.* – Как мы уже говорили сегодня, я не думаю, что путинская Россия не 300 метров в высоту [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA: эл. ресурс].

*Vladimir Putin thinks he is **7 feet tall**.* – Путин считает, что он 2 метра ростом [RUSSIAN BOUNTIES ON U.S. TROOPS ... 2020].

В английском языке слово *tall*, помимо обозначения высокого роста, может означать «внушительны», а устойчивое словосочетание *stand tall* означает ‘быть гордым и уверенным’ [Cambridge Dictionary: эл. ресурс]. Так, мы можем сделать вывод, что Россия, в сознании конгрессменов США, представляется не такой сильной и внушительной страной; а президент РФ – слишком уверен в своей важности и политической власти.

При метафорическом осмыслении личности президента РФ Владимира Путина используются различные образы, которые по своим коннотациям в английском языке граничат с прямыми оскорблениями:

*Putin is a **butcher**.* – Путин – мясник [EARLY SIGNS OF WAR CRIMES ... : эл. ресурс].

Помимо обозначения профессии человека, занимающегося продажей мяса, слово *butcher* связано с образом человека, виновного в жестокой и неизбирательной резне или убийстве [Cambridge Dictionary: эл. ресурс].

*This senseless invasion at the hands of a **madman** is a threat not just to the innocent people of Ukraine, but to all of us in the democratic world.* – Это бессмысленное вторжение со стороны безумца представляет угрозу не только для невинного народа Украины, но и для всех нас в демократическом мире [S.Hrg. 117-344 ... : эл. ресурс].

В английском языке *madman* – ‘это человек, который является или ведет себя как сумасшедший’; ‘умалишенный’; ‘маньяк’ [Merriam-Webster

Dictionary: эл. ресурс]. Образ политического лидера России, следовательно, следующий: ненадежный, непредсказуемый и жестокий человек.

Также России приписываются такие человеческие свойства как агрессия, враждебность и недоброжелательность:

*In Ukraine, Russia must end its **belligerence** and implement its Minsk agreement obligations.* – В Украине Россия должна прекратить свою агрессию и выполнить свои обязательства по Минским соглашениям [S.Hrg. 116-184 ... : эл. ресурс].

*Today we will hear from some of our best foreign policy minds on one of our most pressing foreign policy challenges, how to deal with an increasingly **aggressive and belligerent** Russia.* – Сегодня мы услышим от некоторых из наших лучших экспертов по внешней политике об одной из наших самых насущных внешнеполитических задач – как бороться со все более агрессивной и воинственной Россией [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA: эл. ресурс].

*What is Russia's aim with this unrelenting **malevolence**?* – Чего Россия пытается добиться своей постоянной недоброжелательностью [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA: эл. ресурс]?

Прагматический смысл данных метафор состоит в том, что Россия выступает как агрессивный и враждебно настроенный участник международных отношений.

Как и в ряде других метафорических моделей, сфера-мишень – президент России:

*<...> how can we ensure that our statements of determination in partnership with the President to impose sanctions, to rally our European allies, and to stand up to **Putin's aggression*** <...> – <...> как мы можем гарантировать, что наши заявления о решимости вместе с президентом ввести санкции, сплотить наших европейских союзников и противостоять путинской агрессии подтвердятся <...> [S.Hrg. 117-254 ... : эл. ресурс]

2.4. Другие метафоры

Исторические отсылки

Далее мы рассмотрим способы формирования образа России с использованием отсылок на исторические события и личности, с которыми сравниваются Россия и российские политические лидеры:

*I remember **Hitler's** aggression and what was known as **war creep**, and I can tell you what we are seeing here is **war creep**.* – Я помню гитлеровскую агрессию и то, что было известно как расползание войны, и я могу сказать вам, что то, что мы здесь наблюдаем, – это расползание войны [DEFENDING U.S. ALLIES ... : эл. ресурс].

В данном примере, говоря о внешней политике России за последние 20 лет, используют сравнение с действиями Адольфа Гитлера. Гитлер – одна из самых известных фигур в истории. Его образ связывают с безумием, жестокостью, ненавистью [Encyclopaedia Britannica: эл. ресурс]. За этим человеком всей мировой общественностью признается ответственность за развязывание Второй мировой войны и Холокост.

Также последствиям внешней политики РФ приписывается характер и масштаб, схожий с последствиями Второй мировой войны:

*We have not seen a refugee crisis of this speed and scale since **World War II**.* – Такого быстрого и масштабного миграционного кризиса с беженцами мы не видели со времен Второй мировой войны [S.Hrg. 117-344 ... : эл. ресурс].

Это самый масштабный и кровопролитный конфликт в истории человечества. Наряду с Первой мировой войной, Вторая мировая война была одним из величайших переломных моментов геополитической истории XX в. [Encyclopaedia Britannica: эл. ресурс]

Данные метафоры имеют исключительно негативный прагматический потенциал: подобные сравнения воздействуют на эмоционально-волевую сферу адресата, создают резко негативное отношение к рассматриваемым

явлениям в силу относительной близости рассматриваемых исторических событий и личностей, а также их значения для мировой истории.

«Советская» метафора

Также характерной чертой для американских конгрессменов и приглашенных ими экспертов является использование образов, связанных с советским прошлым России и холодной войной, в которой находились США и СССР с конца Второй мировой войны вплоть до распада Советского Союза. Метафорическому осмыслению подвергается как президент России, так и вся страна в целом. Далее мы рассмотрим примеры формирования метафорической модели «РОССИЯ – СОВЕТСКИЙ СОЮЗ».

При метафорическом осмыслении Владимира Путина американские конгрессмены используют образ Иосифа Сталина:

*But how do you sit down and do what Reagan did with Gorbachev and Yeltsin when you are dealing with a mindset that goes back to the KGB, and he wants to become **Stalinesque**? – Но как можно сесть и сделать то, что Рейган сделал с Горбачевым и Ельциным, когда вы имеете дело с мышлением, восходящим к КГБ, а сам он хочет быть как Сталин [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA : эл. ресурс]?*

Президенту России приписывается желание обладать теми же качествами, что и Иосиф Сталин: суффикс *esque* означает ‘подобный’ или ‘напоминающий’ [Cambridge Dictionary: эл. ресурс].

Говоря о текущем положении двусторонних отношений, участники заседаний комитетов Конгресса проводят аналогии с периодом руководства Сталина:

*As for whether things will get worse when **Putin** leaves office, I would just like to remind you that those same fears were expressed by intelligence services in the United States when **Stalin** was getting older and weaker. – Что касается того, станет ли ситуация хуже, когда Путин покинет свой пост, я просто хотел бы напомнить вам, что те же самые опасения высказывались разведывательными*

службами Соединенных Штатов, когда Сталин становился все старше и слабее [UNDERSTANDING AUTHORITARIANISM ... : эл. ресурс].

Иосиф Сталин – значимая фигура в отечественной и мировой истории. В странах Запада его имя ассоциируется с умелым, но безжалостным правителем, искоренившим остатки личной свободы в своей стране; с диктатором, обладавшим беспрецедентной властью в СССР и за рубежом [Encyclopaedia Britannica: эл. ресурс].

Другое явление советского прошлого, которое часто возникает в дискурсе Конгресса, – это КГБ:

*I met with two Russian opposition leaders yesterday, and they view Putin as a threat to the world. In my view, once **KGB**, always **KGB**.* – Вчера я встречался с двумя лидерами российской оппозиции, и они считают Путина угрозой для мира. На мой взгляд, КГБшник всегда остается КГБшником [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA : эл. ресурс].

*My friend and former colleague, Bob Gates, said that he too looked into Putin's eyes and saw **KGB, KGB, KGB**.* – Мой друг и бывший коллега Боб Гейтс сказал, что он тоже смотрел в глаза Путину и видел «КГБ, КГБ, КГБ» [WITH AMERICAN LIVES ON THE LINE ... : эл. ресурс].

Участники заседаний комитетов ссылаются на службу Владимира Путина в органах КГБ СССР. КГБ (Комитет государственной безопасности СССР) в западном сознании – это «сторожевой пес» Коммунистической партии СССР; КГБ имеет репутацию шпионской и карательной организации, действовавшей в годы холодной войны как в пределах советского блока, так и на Западе [Encyclopaedia Britannica: эл. ресурс].

Отсылает к советскому прошлому также использование политического клише «железный занавес» в отношении текущей политики России:

*<...> the Kremlin is attempting to draw an **Iron Curtain** across the BSR to exert influence and enable it to operate with impunity.* – <...> Кремль пытается опустить «железный занавес» на Черноморский регион, чтобы распространить

там влияние, что позволит действовать безнаказанно [S.Hrg. 117-219 ... : эл. ресурс].

*We have seen in Putin's Russia him bringing down an **Iron Curtain** to keep out truth and information.* – Мы видели, как Путин в России опустил «железный занавес», чтобы не допустить правдивую информацию внутрь [S.Hrg. 117-350 ... : эл. ресурс].

Данное понятие было введено в широкое обращение после Фултонской речи Уинстона Черчилля в 1946 г. Оно обозначает «информационный, политический и пограничный барьер, возведенный СССР и на протяжении нескольких десятилетий отделявший Союз и другие социалистические страны от капиталистических стран Запада». В дискурсе западных стран «железный занавес» – это символ несвободы и полного подавления прав человека в советском социализме [Редичкина: эл. ресурс].

Как и с образом Иосифа Сталина, в дискурсе Конгресса США проводится аналогия между советско-американскими и российско-американскими отношениями:

*<...> arms control rather than an arms race is the best way to keep the **Soviet Union**, now known as Russia, in check while avoiding a calamitous nuclear war.* – *<...>* контроль над вооружениями, а не гонка вооружений – лучший способ держать Советский Союз, ныне известный как Россия, в узде, избегая при этом катастрофической ядерной войны [THE IMPORTANCE OF ... : эл. ресурс].

*<...> I think he still has this idea that – of the **Soviet Union**. Bring some of these States together.* – *<...>* мне кажется, все еще есть эта идея – о Советском союзе. Собрать некоторые из прежних Республик [PROTECTING DEMOCRACY ... : эл. ресурс].

Данная аналогия тесно связана и с образом холодной войны:

*Putin wants a new **cold war**, a new battle of ideas.* – Путин хочет новой холодной войны, новой борьбы идей [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA: эл. ресурс].

*Because of Russia's war on Ukraine, relations with Russia are the worst they have been since the **Cold War**.* – Из-за войны России на Украине отношения с Россией сейчас в наихудшем состоянии со времен холодной войны [U.S. COAST GUARD'S ... : эл. ресурс].

Сам термин впервые употребил писатель Джордж Оруэлл 19 октября 1945 г. в статье «Ты и атомная бомба» в британском еженедельнике Tribune [Encyclopaedia Britannica: эл. ресурс]. Холодной войной называют глобальное конфронтационное, но не доходящее до прямого вооруженного конфликта противостояние двух блоков стран с различными социально-политическими системами во главе с СССР и США в период с 1946 г. до конца 1980-х гг. Оно характеризовалось геополитическим, военным, экономическим и идеологическим соперничеством. Сопровождалось локальными войнами (Корейская война 1950–1953 гг., война во Вьетнаме 1964–1975 гг., Афганский конфликт 1979–1989 гг. и др.), не перераставшими в прямые военные столкновения между сформировавшимися Западным и Восточным военно-политическими блоками [Уткин 2005].

Присоединение Крыма к России в дискурсе Конгресса США характеризуется как начало настоящей «горячей» войны:

*Well, with the fall of Crimea it is a **hot war**, not a **cold war**.* – Что ж, с падением Крыма началась «горячая война», а не холодная [NEAR-PEER ADVANCEMENTS ... : эл. ресурс].

Так, метафорическая модель «РОССИЯ – СОВЕТСКИЙ СОЮЗ» имеет прагматическую эмотивную и когнитивную моделирующую направленность: Россия представляется как наследница Советского Союза в качестве геополитического и идеологического врага Соединенных Штатов, а президент России – продолжатель идей и методов Иосифа Сталина, ассоциирующегося в западном сознании с жестокостью и угнетением прав человека. Конфликт между США и СССР имел фундаментальный характер, и использование лексических единиц, отсылающих к явлениям международных отношений

второй половины XX в., наделяет аналогичными свойствами двусторонние отношения между РФ и США на современном этапе.

Один из немногочисленных разрядов метафор, используемых для осмысления России в дискурсе Конгресса США, – природоморфная метафора.

*The Kremlin often swamps the media environment with a **tsunami** of lies.* – Кремль часто захлестывает медийную среду цунами лжи [S.Hrg. 116-275 ... : эл. ресурс].

Цунами – это длинные, высокие волны, вызванные землетрясением или извержением вулкана. Образ такой волны связан с чем-то разрушительным; также образное значение данного слова в английском языке связано с прибытием или возникновением чего-то в огромных масштабах [Cambridge Dictionary: эл. ресурс].

Для описания проблемы коррупции в России используется образ загнивания, разложения:

*<...> and the corruption that is **rotting** that country.* – *<...>* и коррупция, которая разлагает эту страну [COUNTERING A RESURGENT RUSSIA: эл. ресурс].

2.5. Количественные характеристики метафорических моделей со сферой-мишенью «РОССИЯ»

В данной главе нами были рассмотрены лексические единицы, которые участвуют в создании метафорического образа России в дискурсе комитетов Конгресса США. Всего на официальном сайте Конгресса были отобраны 2058 лексических единиц.

В ходе анализа было выделено 5 разрядов метафор, из которых самым частотным оказался разряд **социоморфных** метафор (53%), который также отличается наибольшим разнообразием видов использованных метафор. В данном разряде выделены следующие виды метафор: **милитарная** (51%),

криминальная (27,6%), авторитарная (9,4%), метафора соперничества (9,5%), монархическая метафора (1,6%), террористическая (0,7%) и отсылки к популярной культуре (0,2%).

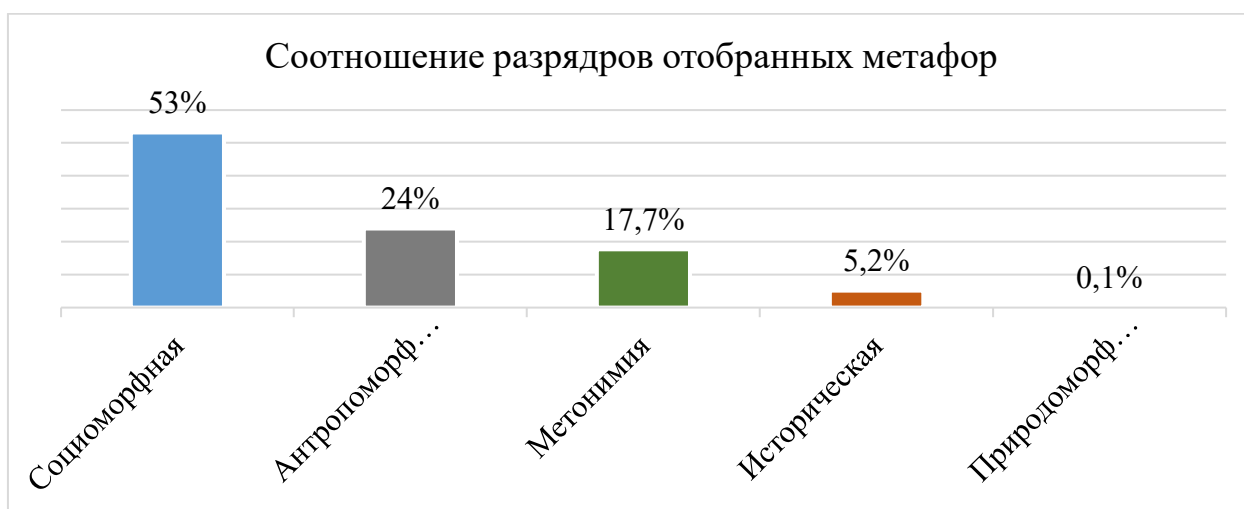

Рис. 2. Соотношение разрядов отобранных метафор

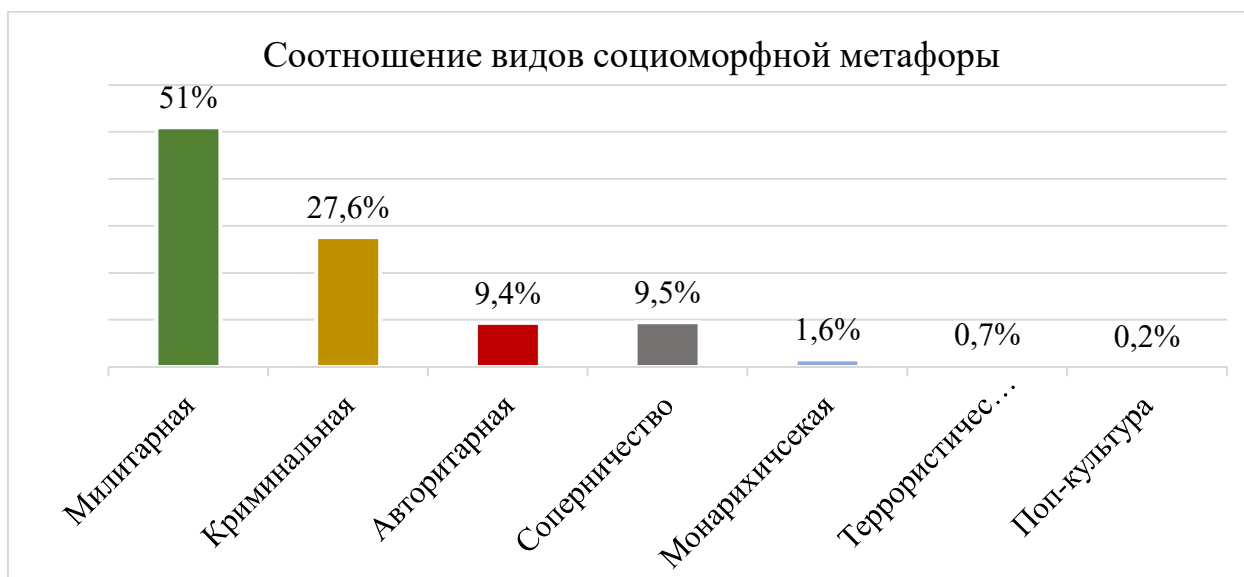

Рис. 3. Соотношение видов социоморфной метафоры

Второй по количественным показателям разряд – **антропоморфная** метафора (24%). В нем наиболее частотный вид метафоры – метафора аморального поведения (90%), с помощью которой происходит формирование образа России. Остальные виды, в силу низкой частотности были объединены в одну группу (10%).

Следующий наиболее значимый разряд метафор – это **метонимия** «РОССИЯ – ПУТИН». На нее приходится 17,7% всех рассмотренных лексических единиц.

Далее за данным разрядом следуют отсылки к **историческим** событиям и личностям, которые американские конгрессмены используют для осмысления современной России (5,2%). Самым незначительным оказался разряд **природоморфных** метафор (менее 1%).

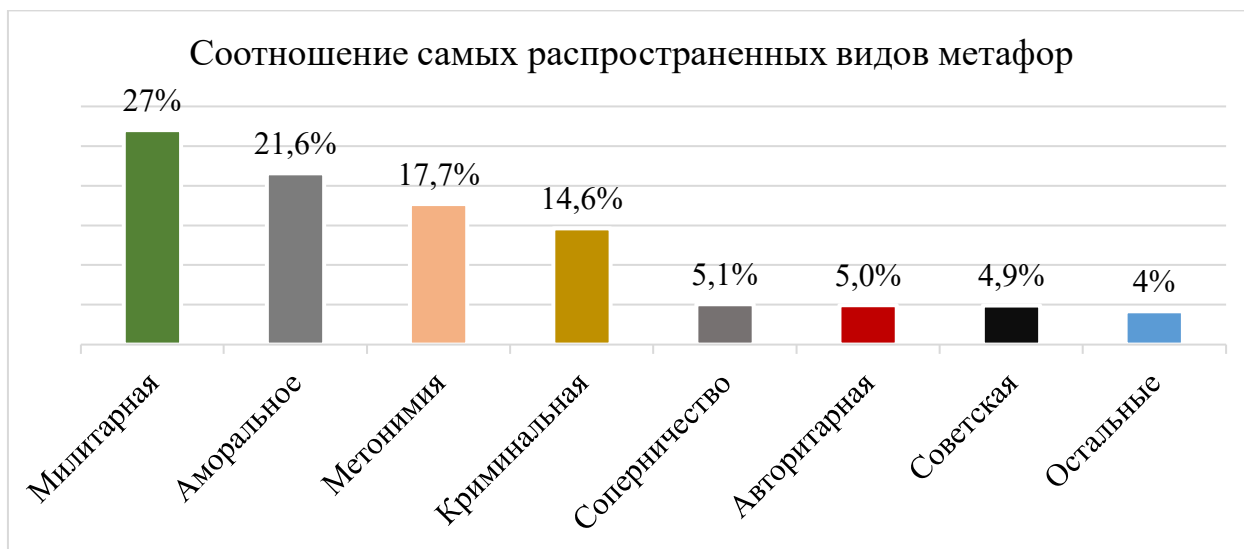

Рис. 4. Соотношение самых распространенных видов метафор

По результатам анализа было выявлено, что вид военной метафоры – самое распространенное средство формирования метафорического образа России в дискурсе комитетов Конгресса США (556 лексическая единица). Другие наиболее распространенные виды метафор: метафора аморального поведения (444 единицы), метонимия «РОССИЯ – ПУТИН» (364 единицы), криминальная метафора (301 единицы), метафора соперничества (104 единицы), авторитарная метафора (102 единицы) и «советская» метафора (101 единицы).

2.6. Дискурсивные характеристики

Далее необходимо охарактеризовать роль Конгресса США в процессе принятия внешнеполитических решений.

Согласно Статье I Конституции США, Конгресс – это законодательная ветвь государственной власти в США [The Constitution of the United States: эл. ресурс]. Это представительный орган, в работу которого входит принятие законов. Конгресс США состоит из двух палат: Палата представителей и Сенат.

Количество мест в Палате представителей постоянно и составляет 435. Каждый штат представлен в Палате представителей в зависимости от численности населения и имеет по крайней мере одного представителя. Территории США и округ Колумбия представлены в Палате делегатами, которые выполняют схожие функции, что и их коллеги, но не могут голосовать за принятие законодательства. В Сенате от каждого штата заседает по 2 представителя. Территории США и округ Колумбия не представлены в Сенате [U.S. Capitol Visitor Center: эл. ресурс].

Важность исследования дискурса Конгресса США обуславливается его ролью во внешней политике Соединенных Штатов. Конституция наделяет Конгресс следующими полномочиями: регулирование торговли с иностранными государствами, объявление войны, формирование и содержание армии, создание и обеспечение флота, издание правил по управлению сухопутными и морскими силами и их организации. Также Конституция, оставляя за Президентом полномочия по назначению дипломатов и заключению договоров, делает необходимым одобрение этих решений Конгрессом – ратификация международных договоров [Masters: эл. ресурс].

Однако главная сила и важность Конгресса США заключается в его контроле над финансами. По Конституции, американские законодатели имеют право вводить и взимать налоги, изымать деньги из казначейства, а также издавать необходимые для осуществления своих полномочий законы [The Constitution of the United States: эл. ресурс]. В совокупности все это дает Конгрессу широкий контроль над различными вопросами внешней политики: с точки зрения бюджета Конгресс может сокращать или увеличивать

финансирование международных программ, которые проводятся правительством США.

Отечественные и зарубежные исследователи отмечают, что американские конгрессмены традиционно более заинтересованы во внутренней политике, а Президент и министерства лучше «оснащены» для решения внешнеполитических вопросов [Варакса 2017]. Но описанные выше полномочия Конгресса в совокупности с включенными в основной закон США механизмами уравнивания между исполнительной и законодательной ветвями власти обуславливают ключевую роль данного органа во внешней политике Соединенных Штатов [Асади 2018]. Таким образом понимание мышления и отношения американских конгрессменов к России может служить ориентиром для аналитиков и дипломатов в их профессиональной деятельности.

116-й Конгресс США был созван 3 января 2019 г. и действовал до 3 января 2021 г. Период работы 116-го Конгресса охватывает последние два года президентства Дональда Трампа (республиканец). В верхней палате Конгресса большинство принадлежало Республиканской партии, а в нижней – Демократической [Ballotpedia: эл. ресурс].

117-й Конгресс США был созван 3 января 2021 г. и действовал до 3 января 2023 г. Период работы 117-го Конгресса охватывает последние недели президентства Дональда Трампа и первые два года президентства Джо Байдена (демократ). Как в Сенате, так и в Палате представителей большинство принадлежало Демократической партии [Ballotpedia: эл. ресурс].

Конгресс распределяет свои законодательные, надзорные и внутренние административные задачи между более чем 200-ми комитетами и подкомитетами. В пределах назначенных областей эти функциональные подразделения собирают информацию; сравнивают и оценивают законодательные альтернативы; выявляют политические проблемы и предлагают решения; отбирают, определяют и докладывают о мерах для рассмотрения в палате в полном составе; осуществляют мониторинг

деятельности исполнительной власти (надзор); и расследуют заявления о нарушениях [Heitshusen: эл. ресурс].

О важной роли комитетов говорил Вудро Вильсон, 28-й президент США. Так, он однажды написал: «Недалеко от истины будет сказать, что заседания Конгресса – это Конгресс на всеобщем обозрении, в то время как Конгресс в своих комитетских залах – это Конгресс за работой» [Trethan: эл. ресурс]. Не ожидается, что член Конгресса будет экспертом по всем вопросам и предметным областям, которые возникают перед Конгрессом. Комитеты Конгресса предоставляют возможность услышать мнения экспертов, ознакомиться с отчетами и специальными расследованиями по текущим вопросам.

2.6.1. Хронология событий в российско-американских отношениях в 2019–2022 гг.

В целях дальнейшего использования в дискурс-анализе необходимо выделить ключевые моменты в российско-американских отношениях, начиная с 2019 г., когда свою работу начал 116-й Конгресс, и вплоть до конца 2022 г. – начала 2023 г., когда свою работу завершил 117-й Конгресс.

Для этого важно отметить не только события двусторонних отношений, но и события на международной арене, вызвавшие реакцию или разногласия между США и РФ.

В январе 2019 г. произошло обострение политического кризиса в Венесуэле. Россия поддержала действующего президента Венесуэлы Николаса Мадуро, а США – главу Национальной ассамблеи Хуана Гуаидо [Сетевое издание «Коммерсантъ»: эл. ресурс].

2 февраля 2019 г. Госдепартамент США объявил, что США приостанавливают выполнение своих обязательств по Договору о ликвидации ракет средней и меньшей дальности (РСМД) в ответ на предполагаемые нарушения договора российской стороной. Официальный выход США из

договора произошел в августе 2019 г. [Посольство и консульства США в Российской Федерации: эл. ресурс]

14 февраля 2019 г. был арестован американский бизнесмен Майкл Калви, директор российского инвестиционного фонда «Baring Vostok», по обвинению в мошенничестве [Сетевое издание «Коммерсантъ»: эл. ресурс].

22 марта 2019 г. завершилось расследование специального прокурора США Роберта Мюллера; отчет по результатам расследования российского вмешательства в выборы был передан генеральному прокурору Уильяму Барру. В докладе Мюллера делается вывод о том, что кампания Трампа не вступала в сговор с российскими официальными лицами с целью повлиять на президентские выборы в США в 2016 г. Однако в докладе было установлено, что Россия предпринимала преднамеренные попытки повлиять на исход выборов 2016 г. с помощью скоординированных кампаний по дезинформации [Public Broadcasting Service: эл. ресурс].

24 апреля 2019 г. Россия спустила на воду атомную подводную лодку специального назначения «Белгород». Американской стороной считается, что новая подводная лодка способна нести подводные беспилотники «Посейдон» с ядерными боеголовками, которые потенциально могут угрожать прибрежным городам США [Сетевое издание IZ.RU: эл. ресурс].

28 июня 2019 г. прошла встреча Путина и Трампа на саммите G20 в Японии и обсудили ряд вопросов, включая улучшение экономических связей и вопросы контроля над вооружениями, а также Сирию и Китай [РБК: эл. ресурс].

В сентябре 2019 г. было начато расследование по делу об импичменте в связи с предполагаемыми попытками президента Трампа оказать давление на Украину с целью проведения расследования в отношении его политического соперника Джо Байдена и его сына [The New York Times: эл. ресурс].

27 ноября 2019 г. Россия сделал официальное предложение США о том, чтобы две ядерные сверхдержавы продлили новый договор СНВ на пять лет.

Первоначально предполагалось, что срок действия договора закончится в феврале 2021 г. [United States Department of State: эл. ресурс]

В декабре 2019 г. США ввели санкции против компаний, вовлеченных в строительство «Северного потока – 2», магистрального газопровода между Россией и Германией [РИА Новости: эл. ресурс].

13 февраля 2020 г. Министерство юстиции Российской Федерации внесло «Радио Свобода» в реестр СМИ-иноагентов [Интерфакс: эл. ресурс].

В феврале 2020 г. появились сообщения о столкновениях российских и американских военных в Сирии [The New York Times: эл. ресурс].

В межпартийном докладе Комитета по разведке Сената США от 21 апреля 2020 г. делается вывод о том, что оценка разведывательного сообщества США о том, что Россия вмешивалась в президентские выборы 2016 г., чтобы обеспечить победу Трампа, является точной и основана на достоверной информации [The Associated Press: эл. ресурс].

Президент США Дональд Трамп 21 мая 2020 г. заявил о намерении США выйти из Договора по открытому небу. Официально США вышли из договора – 22 ноября 2020 г. [The New York Times: эл. ресурс]

26 июня 2020 г. разведывательные структуры США обвинили Россию в поощрении атак Талибана на американских военных [Интерфакс: эл. ресурс].

Обострение кризиса между Арменией и Азербайджаном в Нагорном Карабахе и развертывание вооруженного конфликта между сторонами в сентябре 2020 г. 1 октября 2020 г. Россия, Франция и США выдвинули совместное требование о немедленном прекращении огня между армянскими и азербайджанскими силами [Аветикян 2020].

8 октября 2020 г. Министерство торговли США и российская государственная корпорация по атомной энергии «Росатом» подтвердили, что подписали окончательную поправку к Соглашению, приостанавливающую антидемпинговое расследование в отношении урана из Российской Федерации [World Nuclear Association: эл. ресурс].

В декабре 2020 г. США обвинили «русских хакеров», поддерживаемых российским правительством, во взломе госучреждений Соединенных Штатов [The Guardian: эл. ресурс].

«Захват Капитолия» 6 января 2021 г., последовавшее за ним расследование и попытка импичмента Дональда Трампа [Encyclopaedia Britannica: эл. ресурс].

В январе 2021 г. в России прошла череда массовых несогласованных протестов в поддержку Алексея Навального, задержанного после возвращения в Россию [Reuters: эл. ресурс].

6 мая 2021 г. Colonial Pipeline, один из крупнейших в Соединенных Штатах трубопроводов, по которому транспортируется очищенный бензин и авиатопливо из Техаса вверх по Восточному побережью в Нью-Йорк, был вынужден закрыться после атаки программы-вымогателя. Ответственность за кибератаку была возложена на РФ [The New York Times: эл. ресурс].

В июне 2021 г. президент США Джо Байден встретился с президентом России Владимиром Путиным в Женеве на саммите, направленном на ослабление напряженности между двумя странами. Переговоры охватывали целый ряд вопросов, включая контроль над вооружениями, кибератаки и права человека [РБК: эл. ресурс].

23 июня 2021 г. российские военные произвели предупредительные выстрелы и сбросили бомбы на пути британского военного корабля, чтобы выгнать его из вод Черного моря у берегов полуострова Крым [Reuters: эл. ресурс].

Соединенные Штаты 30 августа 2021 г. завершили вывод своих войск из Афганистана после 20 лет военного присутствия в стране [Reuters: эл. ресурс].

18 октября 2021 г. Россия объявила о приостановке работы своего постоянного представительства при НАТО после того, как Североатлантический альянс принял решение отозвать аккредитацию у восьми сотрудников постпредства РФ [The Guardian: эл. ресурс].

Государственный секретарь США Энтони Блинкен 14 ноября 2021 г. высказался о миграционном кризисе на польско-белорусской границе, обвиняя Россию в дестабилизации ситуации на Украине [Carnegie Corporation of New York: эл. ресурс].

22 ноября 2021 г. российская сторона обвинила Запад в размещении военного персонала на западных границах России. Владимир Путин охарактеризовал действия НАТО, США и ЕС как провокационные. Россия и Украина также выдвигали обвинения в адрес друг друга в нарушениях Минских соглашений [Carnegie Corporation of New York: эл. ресурс].

6 декабря 2021 г. Президент США Джо Байден заявил о намерении предупредить российского лидера Владимира Путина о готовности США ввести серьезные экономические контрмеры, если Москва совершит нападение на Украину [Carnegie Corporation of New York: эл. ресурс].

16 января 2022 г. Россия начала ввод войск в Беларусь для проведения совместных летно-тактических учений [РИА Новости: эл. ресурс].

26 января 2022 г. заместитель госсекретаря США Венди Шерман заявила, что Соединенные Штаты ожидают, что Россия начнет военное вторжение в Украину к середине февраля 2022 г. В свете этого посольство США в столице Украины Киеве посоветовало своим гражданам начать покидать страну [Информационно-аналитическое агентство «УРА.РУ»: эл. ресурс].

21 февраля 2022 г. Россия официально признала независимость Донецкой и Луганской народных республик. 24 февраля 2022 г. Россия начала специальную военную операцию на территории Донецкой и Луганской народных республик [Carnegie Corporation of New York: эл. ресурс].

5 марта 2022 г. стало известно об аресте американской баскетболистки Бриттни Грайнер в московском аэропорту Шереметьево [Carnegie Corporation of New York: эл. ресурс].

С 21 сентября 2022 г. указом президента в России была объявлена частичная мобилизация в связи с проведением СВО, которую США встретили крайне негативно [Указ Президента Российской Федерации ... : эл. ресурс].

Таким образом, можно сделать вывод, что отношения между Российской Федерацией и Соединенными Штатами Америки в рассматриваемый период были наполнены негативными событиями, создавшими разногласия между двумя сторонами.

2.6.2. Динамика метафоричности и качественные изменения образа России

Далее мы рассмотрим корреляцию между динамикой метафоричности дискурса комитетов Конгресса США и политической ситуацией, а также выявим изменения в образе России в рассматриваемый период времени.

Как мы можем видеть из графиков, заметная интенсификация метафоризации образа России коррелирует с некоторыми из событий в отношениях между РФ и США.

Рис. 5. Хронология событий российско-американских отношений

Так, скачок в феврале 2019 г. связан с обострением политического кризиса в Венесуэле в январе 2019 г.: Россия и США поддержали

противоположные стороны, а участники заседаний комитетов Конгресса США стали использовать значительное количество метафор из авторитарной сферы. Поддержанный Россией Николас Мадуро, по мнению американских конгрессменов, – диктатор, которого поддерживают другие диктаторы (например, такие как Владимир Путин).

Рис. 6. Количество документов по месяцам

Следующий скачок в частоте метафорического осмысления России – в сентябре 2019 г. В связи с попыткой импичмента Дональда Трампа выросло количество используемых метафор аморального поведения по отношению к России. Хотя процедура импичмента была инициирована из-за предполагаемой попытки оказать давление на украинскую сторону, связь президента Трампа с Россией также стала частью обсуждений.

Также интенсификация в использовании метафор аморального поведения произошла на фоне введения санкций США (декабрь 2019 г.) в отношении компаний, участвовавших в строительстве «Северного потока – 2». Данный проект в глазах конгрессменов не соответствует американским интересам и служит для России инструментом давления на Европу. В данный период особенно часто говорилось об использовании Россией энергетических ресурсов в качестве оружия.

Некоторую интенсификацию можно отметить в июле 2020 г.: после обвинений России в поддержке убийств американских военных талибами увеличилось количество используемых криминальных метафор; в сентябре 2020 г. – в связи с обострением кризиса в Нагорном Карабахе.

В январе 2021 г., когда в России проходили несогласованные протесты в поддержку Алексея Навального, в дискурсе комитетов Конгресса США преобладало противопоставление России во главе с президентом Владимиром Путиным и самих россиян.

Метафоричность дискурса усилилась также в мае 2021 г. после обвинений России в кибератаках на американскую трубопроводную компанию Colonial Pipeline. А в июне 2021 г. – после столкновения российских военных с британским военным кораблем в водах Черного моря.

Самая заметная и значительная интенсификация метафорического осмысления России наблюдается с января 2022 г. по май 2022 г. Отношения между Россией и США (и Западом в целом) отличаются значительной напряженностью: от обострений на российско-украинской границе и признания независимости ДНР и ЛНР до начала СВО. В этот период отмечается значительный рост в использовании военной метафоры. Также выросло число используемых метафор криминальной сферы.

Следующий значительный скачок произошел в сентябре 2022 г., когда в России была объявлена частичная мобилизация: метафоричность дискурса вновь возросла за счет метафор военной сферы.

Подводя итог данного аспекта анализа, можно сказать, что метафоричность дискурса комитетов Конгресса США коррелирует с событиями в двусторонних отношениях РФ и США, а также с крупными событиями на международной арене, вызвавшими разногласия у российской и американской сторон. Наибольшая интенсивность в метафорическом осмыслении России связана с началом и первыми месяцами СВО.

2.6.3. Партийные различия в использовании метафор

Следующим мы сравним, как представители двух основных партий, представленных в Конгрессе США (Республиканская и Демократическая) используют метафоры при осмыслении России.

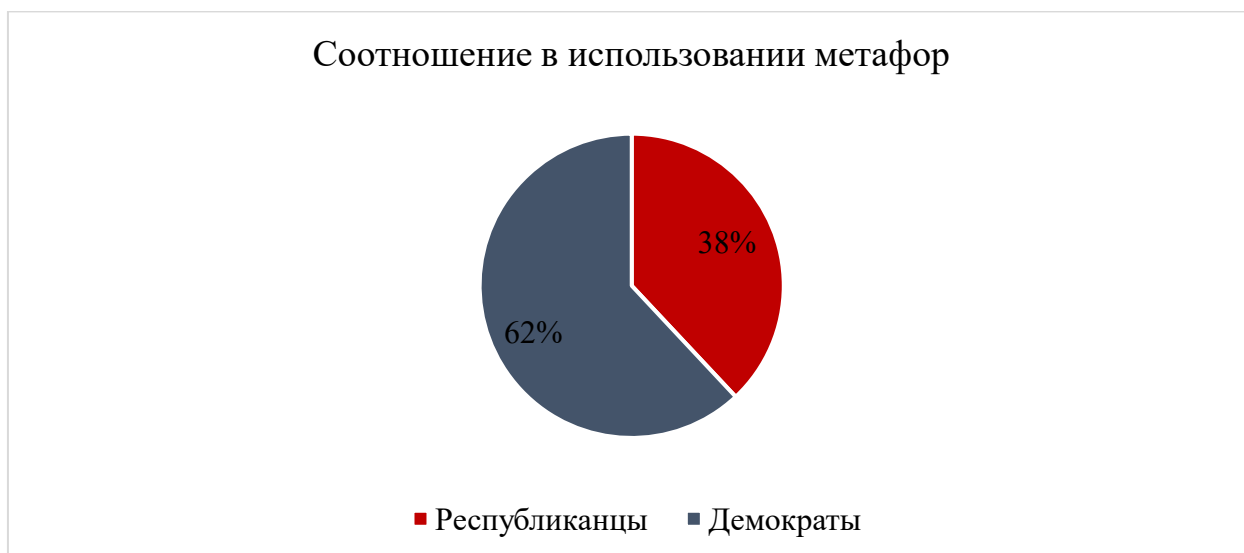

Рис. 7. Соотношение в использовании метафор

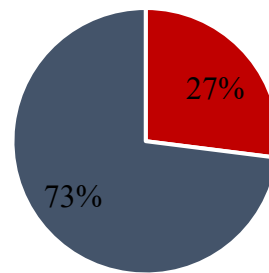
Так, конгрессмены-демократы используют почти в 2 раза больше метафор (62%), чем конгрессмены-республиканцы (38%). В большинстве выделенных видов метафор сохраняются схожие пропорции, за исключением двух: террористической метафоры и метафоры аморального поведения.

Представление России в качестве страны, поддерживающей терроризм более характерно для членов Республиканской партии (60%), чем для конгрессменов-демократов (40%).

В использовании метафоры аморального поведения доля демократов несколько выше, чем в среднем по остальным моделям (73% против 27%).

Это можно связать с тем фактом, что существенная часть данных метафор приходится на обсуждения предполагаемой связи президента Дональда Трампа (кандидата от Республиканской партии) с Россией и обвинениями в адрес российской стороны во вмешательстве в американские президентские выборы 2016 и 2020 гг.

Соотношение в использовании метафор аморального поведения

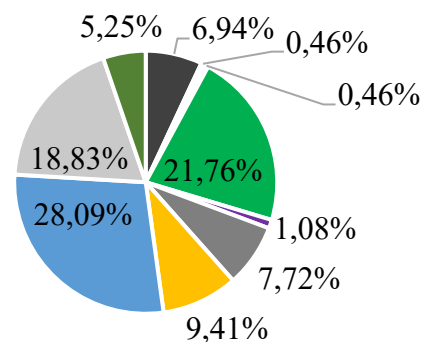

■ Республиканцы ■ Демократы

Рис. 8. Соотношение в использовании метафор аморального поведения

Данная тенденция также отслеживается при рассмотрении распределения видов использованных метафор внутри отдельно взятой партии. Так, все прочие виды метафор пользуются относительно одинаковой популярностью как у членов Демократической партии, так и у членов Республиканской партии. В использовании же метафор аморального поведения прослеживается более заметный разрыв.

Соотношение видов использованных метафор (Демократы)

■ Авторитарная ■ Террористическая ■ Историческая
 ■ Аморальное поведение ■ Монархическая ■ Антропоморфная
 ■ Соперничество ■ Милитарная ■ Криминальная
 ■ Советская

Рис. 9. Соотношение видов использованных метафор (Демократы)

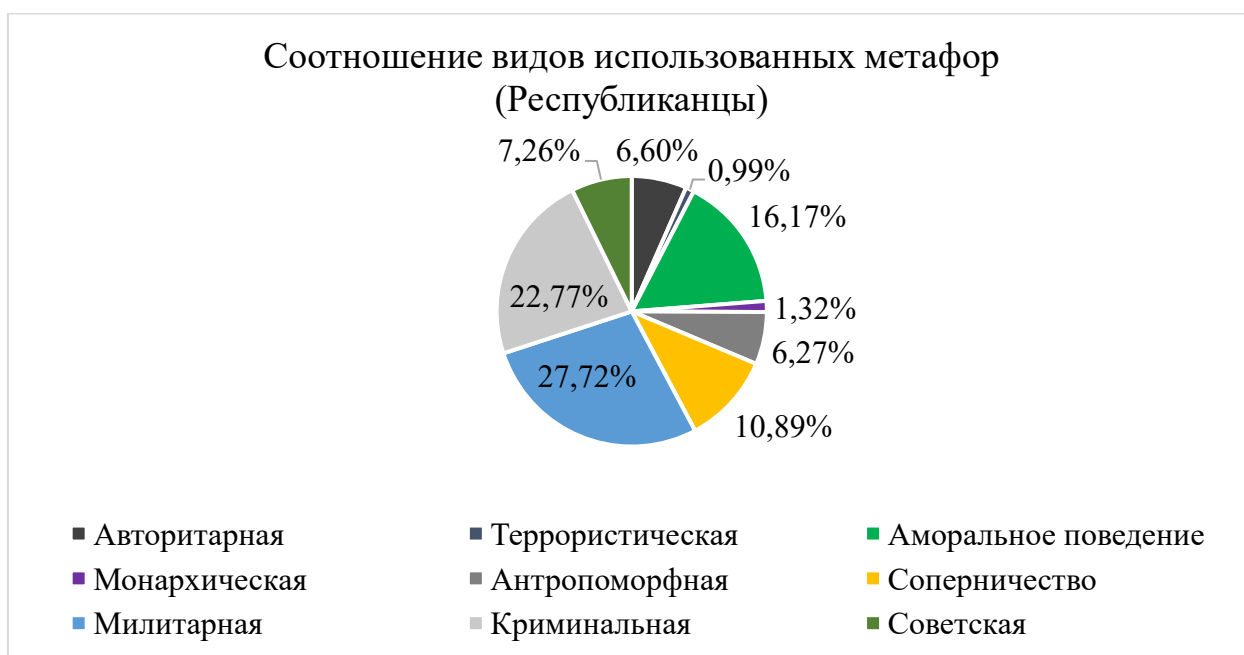

Рис. 10. Соотношение видов использованных метафор (Республиканцы)

Говоря о возрастных характеристиках, стоит отметить, что средний возраст конгрессменов, чьи высказывания были использованы в качестве примеров в данной работе, – 63 года. Самый старший – 84 года, а самый младший – 35 лет. Тем самым можно объяснить заметную роль метафор, связанных с советским прошлым России и холодной войной, при создании образа России: все рассмотренные конгрессмены родились до окончания холодной войны; более половины из них достигли совершеннолетия до начала «перестройки», когда в отношениях между СССР и США наметилось некоторое «потепление». Сами участники заседаний комитетов в своих высказываниях отмечают, что выросли на идее, что СССР (Россия) – это враг.

Полученные данные позволяют сделать вывод: члены Республиканской и Демократической партий США в плане используемых видов метафор имеют схожее представление о России, а существующие различия обоснованы межпартийными разногласиями. Также советское прошлое и холодная война все еще играют важную роль при осмыслении современной России и текущих двусторонних отношений в силу возраста членов Конгресса.

Выводы по главе 2

1. В результате анализа выявлено 5 разрядов метафор, которыми пользуются члены Конгресса США и приглашенные эксперты на заседаниях комитетов: социоморфная метафора, метонимия, антропоморфная метафора, исторические отсылки и природоморфная метафора.

2. Доминантной в исследованном дискурсе оказалась метафорическая модель «РОССИЯ – ВОЙНА». В данной модели Россия представляется как воинственный и агрессивный актер международных отношений, а действия страны на мировой арене – как различные формы ведения войны.

3. Вторая по частоте модель – «РОССИЯ – АМОРАЛЬНОЕ ПОВЕДЕНИЕ». В рамках данной модели Россия выступает в качестве бесчестного и аморального члена мирового сообщества, готового использовать любые методы для достижения собственных целей.

4. Следующая по частотности модель – метонимия «РОССИЯ – ПУТИН». В ней отражается представление американский конгрессменов о России в прочной ассоциации с ее политическим лидером и режимом, существующим в стране. Далее идет связанная с ней прагматическими смыслами метафорическая модель «РОССИЯ – ПРЕСТУПНОЕ СООБЩЕСТВО». Она создает негативный образ политической верхушки России: правительство во главе с президентом и его приближенными представляются в качестве преступной группировки.

5. Заметную роль в дискурсе комитетов Конгресса США играет осмысление России в терминах холодной войны в силу возраста конгрессменов.

6. Определено, что метафоричность дискурса коррелирует с событиями в двусторонних отношениях РФ и США. Также анализ числовых данных показал, что нет существенной разницы между представителями Демократической и Республиканской партий в используемых для осмысления России образах.

Заключение

Развитие междисциплинарности в современной науке привело к появлению таких направлений как политическая лингвистика, которые объединяют в себе методологию и терминологию разных наук с целью комплексно объяснить какое-либо явление. В данном случае главная цель политической лингвистики – объяснить то, каким образом взаимосвязаны язык, мышление, коммуникация и политическая сфера общества. Развитие когнитивной лингвистики в 70-х гг. XX в. повлекло за собой изменения в представлении о метафоре. Если раньше метафора была средством украшения речи, то теперь она стала рассматриваться как явление сознания. Так, метафоры участвуют в познании и категоризации мира (метафоры определяют сознание) и являются отражением картины мира человека (сознание определяет метафоры).

Дальнейшее развитие науки и переплетение различных дисциплин привело к привлечению новых методов в исследование политических метафор. Появление и развитие метафоры происходит под влиянием культурных, исторических и личностных факторов, что обуславливает необходимость учета экстралингвистических факторов (дискурс-анализ) в исследованиях по политической метафорологии.

В настоящем исследовании проанализировано 244 документа, размещенных на официальном сайте Конгресса США, из которых были отобраны 2058 лексических единиц, участвующих в создании образа России. В результате работы выявлено, что самым распространенными видами являются милитарная метафора, метафора аморального поведения и криминальная метафора. Вместе они отражают негативный образ России в дискурсе комитетов Конгресса США, который можно обобщить следующим образом: Россия – воинственное государство, ведущее агрессивную внешнюю политику; Россия – ненадежный партнер и бесчестный участник международных отношений, который не пренебрегает любыми методами для

достижения своих целей; политическая верхушка России – преступная группировка во главе с президентом.

Важной особенностью также является то, что образ России неотделим от личности президента – Владимира Путина: все «бесчестные» и «агрессивные» действия России на международной арене расцениваются как проявление воли президента. В то же время американскими конгрессменами проводится разделение между президентом и простым населением России: они предстают как жертвы российского режима, в котором приближенные к президенту олигархи и коррумпированные политики наживаются за счет населения.

Еще одной характерной чертой, выявленной в ходе работы, стало использование образов времен холодной войны для осмысления современной политики Российской Федерации.

По результатам анализа дискурсивных характеристик установлено, что метафоричность дискурса комитетов Конгресса США коррелирует с политической ситуацией: интенсификация метафоричности связана с событиями на международной арене и в двусторонних отношениях. Заметная роль «советских» метафор объясняется возрастом участников заседаний комитетов. В контексте рассмотрения метафоричности представителей Демократической и Республиканской партий можно сделать вывод, что нет существенной разницы в представлениях о России между конгрессменами-демократами и конгрессменами-республиканцами.

Результаты анализа позволяют сделать предположение о том, что улучшение образа России в дискурсе комитетов Конгресса США возможно только при коренном изменении политической системы в России.

Перспективой исследования может быть дальнейший анализ метафорического образа России в условиях развития международных отношений и изменении состава Конгресса.

Список использованной литературы

Научная литература

1. Аветикян Г. Г. Война 2020 года в Нагорном Карабахе: региональное измерение / Г. Г. Аветикян // Пути к миру и безопасности. – 2020. – № 2. – С. 181–191.
2. Андерсон Р. Каузальная сила политической метафоры / Р. Андерсон // Политическая лингвистика. – 2007а. – № 2. – С. 7–18.
3. Андерсон Р. О кросс-культурном сходстве в метафорическом представлении политической власти / Р. Андерсон // Политическая лингвистика. – 2007б. – № 1. – С. 6–13.
4. Аникин Е. Е. Спортивная метафора как средство концептуализации президентских выборов США во французских СМИ / Е. Е. Аникин // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27. – С. 7–12.
5. Антипина О. В. Метафорический всплеск и метафорическое затишье: образ политической России в англоязычных СМИ / О. В. Антипина // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 102–106.
6. Арутюнова Н. Д. Метафора и дискурс / Н. Д. Арутюнова // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 5–32.
7. Асади Т. Отношения между президентом и конгрессом в сфере принятия внешнеполитических решений в США: теоретический анализ / Т. Асади, М. Арджманд // Вестник МГИМО-Университета. – 2018. – № 4. – С. 219–240.
8. Бабкина В. А. Роль морбиальных метафор в создании образа России в немецких СМИ на современном этапе развития российско-немецких отношений / В. А. Бабкина // Вестник Московского государственного лингвистического университета. Гуманитарные науки. – 2016. – № 765. – С. 9–16.
9. Баранов А. Н. Очерк когнитивной теории метафоры / А. Н. Баранов, Ю. Н. Караулов // Русская политическая метафора. Материалы к словарю. – Москва : Институт русского языка АН СССР, 1991. – С. 184–193.

10. Барышникова Г. В. Метафорическое создание политического образа руководителя России в западных СМИ (на материале англо-американской и французской прессы) / Г. В. Барышникова, И. И. Дубинина // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. – 2019. – № 4. – С. 179–185.
11. Беглова Е. И. Политическая структура в метафорическом поле номинаций / Е. И. Беглова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2004. – № 13. – С. 11–20.
12. Белова Е. Н. Структура и семантика аргументативного дискурса (на материале слушаний комитетов конгресса США) : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. Н. Белова. – Санкт-Петербург : [б. и.], 1995. – 18 с.
13. Белт Т. Политическое убеждение путем метафорического моделирования / Т. Белт // Политическая лингвистика. – 2007. – № 22. – С. 18–25.
14. Бенуа У. Моделирование посредством темпоральной метафоры: «Мосты» Боба Доула и Билла Клинтона в их предвыборных обращениях 1996 г. / У. Бенуа // Политическая лингвистика. – 2009. – № 27. – С. 13–24.
15. Борискина О. О. Еще один подход к изучению метафорики политического дискурса / О. О. Борискина // Политическая лингвистика. – 2010. – № 1. – С. 153–158.
16. Будаев Э. В. Зарубежная политическая лингвистика / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2008а. – 352 с.
17. Будаев Э. В. Зарубежная политическая метафорология / Э. В. Будаев, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2008б. – 248 с.
18. Будаев Э. В. Концептуальная метафора на службе у разведки США / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2015. – № 52. – С. 12–16.
19. Будаев Э. В. Междисциплинарные истоки политической метафорологии / Э. В. Будаев // Политическая лингвистика. – 2010. – № 2. – С. 15–25.

20. Будаев Э. В. Метафорический образ России в современном мире / Э. В. Будаев. – Екатеринбург : УрГПУ, 2009. – 276 с.
21. Будаев Э. В. Современная политическая лингвистика : учебное пособие / Э. В. Будаев, М. Б. Ворошилова, Е. В. Дзюба, Н. А. Красильникова, А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2011. – 252 с.
22. Будаев Э. В. Сопоставительная политическая метафорология : монография / Э. В. Будаев. – Санкт-Петербург : Научные технологии, 2020. – 464 с.
23. Вайс Д. Животные в советской пропаганде / Д. Вайс // Политическая лингвистика. – 2008. – № 2. – С. 19–35.
24. Варакса А. Н. Американский конгресс и его роль во внешней политике США / А. Н. Варакса // Вестник Санкт-Петербургского университета. Международные отношения. – 2017. – № 3. – С. 237–245.
25. Вершинина Т. С. Зооморфная, фитоморфная и антропоморфная в современном политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. С. Вершинина. – Екатеринбург : [б. и.], 2002. – 24 с.
26. Веснина Л. Е. Образ России-игрока в китайской газете «Жэньминь Жибао» / Л. Е. Веснина // Лингвокультура и концептуальное пространство языка. – Санкт-Петербург : ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2016. – С. 133–137.
27. Водак Р. Взаимосвязь «дискурс – общество»: когнитивный подход к критическому дискурс-анализу / Р. Водак // Известия УрГПУ. Лингвистика. – 2006. – № 19. – С. 107–116.
28. Водак Р. Язык. Дискурс. Политика / Р. Водак. – Волгоград : Перемена, 1997. – 139 с.
29. Воронова Н. С. Политическая метафора в немецком и русском языках : дис. ... канд. филол. наук / Н. С. Воронова. – Москва : [б. и.], 2003. – 181 с.
30. Демьянков В. З. Когнитивная лингвистика как разновидность интерпретирующего подхода / В. З. Демьянков // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 17–32.

31. Дзюба Е. В. Когнитивная лингвистика / Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : УрГПУ, 2018. – 280 с.
32. Дулесов Е. П. Расширение метафоры как инструмент дискредитации позиции оппонента (на материале дореволюционных парламентских речей) / Е. П. Дулесов // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2018. – № 4. – С. 96–100.
33. Ерилова С. Л. Метафоризация как способ смыслопостроения в политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук. – Тверь, 2003. – 177 с.
34. Зайцева Е. Л. Метафорическая репрезентация концепта терроризм в тексте англоязычных таблоидов / Е. Л. Зайцева // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2017. – № 3. – С. 76–80.
35. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте гражданской войны на Украине / Р. И. Зарипов // Политическая лингвистика. – 2015. – № 2. – С. 172–180.
36. Зарипов Р. И. Метафорические образы России во французском политическом дискурсе в контексте войны в Сирии / Р. И. Зарипов // Политическая лингвистика. – 2017. – № 6. – С. 76–85.
37. Захарова Н. Н. Метафора в политическом дискурсе: Вербализация концепта власть / Н. Н. Захарова // Мир русского слова. – 2006. – № 1. – С. 55–59.
38. Зимина М. В. Метафорический портрет президента России в немецкоязычной прессе / М. В. Зимина, М. В. Ополовникова // Вестник Костромского государственного университета. – 2018. – № 4. – С. 235–239.
39. Зиновьев Н. В. Доминантная метафорическая модель «Движение» в дискурсе премьер-министра Великобритании Дэвида Кэмерона: методика исследования темпоральной динамики / Н. В. Зиновьев, Е. А. Нахимова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 1. – С. 57–64.
40. Зубкова О. С. Специфика функционирования метафоры в индивидуальном лексиконе: (На примере медицинской метафоры в разных

видах дискурса) : дис. ... канд. филол. наук / О. С. Зубкова. – Курск : [б. и.], 2006. – 206 с.

41. Иванова И. В. Концептуальная метафора как средство формирования образа политического деятеля в англоязычной прессе : дис. ... канд. филол. наук / И. В. Иванова. – Москва : [б. и.], 2004 – 215 с.

42. Калыгина М. Ю. Метафорическая репрезентация миграции в медиа-дискурсе России, Великобритании и США / М. Ю. Калыгина // Политическая лингвистика. – 2009. – № 29. – С. 109–113.

43. Караулов Ю. Н. От грамматики текста к когнитивной теории дискурса / Ю. Н. Караулов, В. В. Петров // Язык. Познание. Коммуникация. – Москва : Прогресс, 1989. – С. 5–11.

44. Каслова А. А. Метафорическое моделирование президентских выборов в России и США (2000 г.) : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Каслова. – Екатеринбург : [б. и.], 2003. – 208 с.

45. Керимов Р. Д. Артефактная концептуальная метафора в немецком политическом дискурсе : дис. ... канд. филол. наук / Р. Д. Керимов. – Барнаул : [б. и.], 2005а. – 18 с.

46. Керимов Р. Д. Немецкая политика в зеркале спортивной метафоры / Р. Д. Керимов // Известия УрГПУ: Лингвистика. – 2005б. – № 15. – С. 79–85.

47. Кибрик А. А. Когнитивные исследования по дискурсу / А. А. Кибрик // Вопросы языкознания. – 1994. – № 5. – С. 126–139.

48. Клочко Н. Н. Образы Европы в современных национальных политических дискурсах (на примере антропоморфной метафоры) / Н. Н. Клочко // Зарубежная политическая лингвистика. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – С. 273–292.

49. Кобозева И. М. Семантические проблемы анализа политической метафоры / И. М. Кобозева // Вестник Московского университета. – Сер. 9. Филология. – 2001. – № 6. – С. 132–149.

50. Кондратьева О. Н. Динамика метафорических моделей в политической коммуникации (на примере выступлений Ю. Тимошенко) /

О. Н. Кондратьева, К. А. Ковалева // Политическая лингвистика. – 2016. – № 4. – С. 34–47.

51. Кондратьева О. Н. Майдан в метафорическом зеркале российских массмедиа / О. Н. Кондратьева // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5. – С. 80–84.

52. Коптякова Е. Е. Метафорическое представление внутренней политики Германии в российское прессе / Е. Е. Коптякова // Филология и человек. – 2008. – № 2. – С. 131–138.

53. Корнилаева Н. Н. Метафорическая кодификация как средство моделирования восприятия в политическом дискурсе / Н. Н. Корнилаева. // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Лингвистика. – 2008. – № 2. – С. 9–15.

54. Красильникова Н. А. «В плену у русского медведя», или современная Россия в метафорах британских и американских СМИ / Н. А. Красильникова // Политическая лингвистика. – 2007. – № 21. – С. 92–97.

55. Красильникова Н. А. Метафорическая репрезентация лингвокультурологической категории СВОИ – ЧУЖИЕ в экологическом дискурсе США, России и Англии : дис. ... канд. филол. наук / Н. А. Красильникова. – Екатеринбург : [б. и.], 2005. – 231 с.

56. Кропотухина П. В. Развертывание метафорической модели со сферой-источником «Мир растений» / «Plant kingdom» в политических текстах России и Великобритании / П. В. Кропотухина // Вестник Южно-Уральского государственного университета. Серия: Лингвистика. – 2009. – № 2. – С. 85–89.

57. Крышталева В. Е. Милитарные метафоры в дискурсе президентов России и Франции в начале XXI века / В. Е. Крышталева // Вестник Новосибирского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2019. – № 2. – С. 77–90.

58. Кубрякова Е. С. Начальные этапы становления когнитивизма: лингвистика – психология – когнитивная наука / Е. С. Кубрякова // Вопросы языкознания. – 1994. – № 4. – С. 3–15.
59. Кубрякова Е. С. Об установках когнитивной науки и актуальных проблемах когнитивной лингвистики / Е. С. Кубрякова // Известия РАН. Сер. лит. и яз. – 2004. – № 3. – С. 3–12.
60. Лакофф Дж. Метафора и война: система метафор для оправдания войны в Заливе / Дж. Лакофф // Зарубежная политическая лингвистика. – Москва : Флинта : Наука, 2008. – С. 97–113.
61. Лакофф Дж. Метафоры, которыми мы живем / Дж. Лакофф, М. Джонсон. – Москва : Едиториал УРСС, 2004. – 256 с.
62. Лапшина В. В. Метафора как средство конструирования имиджа политика: на материале австрийских печатных СМИ : дис. ... канд. филол. наук / В. В. Лапшина. – Москва : [б. и.], 2006. – 151 с.
63. Лассан Э. Р. Парадигмы текстов и дискурсивные формации как объекты дискурсного анализа / Э. Р. Лассан // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2004. – № 12. – С. 60–88.
64. Литвинова Е. А. Метафорический образ России во французском политическом дискурсе / Е. А. Литвинова // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. – 2009. – № 1. – С. 47–49.
65. Литвинова Т. И. Спортивная и игровая метафора в немецком политическом дискурсе : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Т. И. Литвинова. – Воронеж : [б. и.], 2008. – 24 с.
66. Логачев С. А. Метафора войны в политическом дискурсе (на материале немецких СМИ) / С. А. Логачев // Известия Российского государственного педагогического университета им. А. И. Герцена. – 2008. – № 49. – С. 94–97.

67. Мазаева Т. В. Образ В. В. Путина в контексте информационной войны (на материале The New York Times) / Т. В. Мазаева // Вестник Волжского университета им. В.Н. Татищева. – 2016. – № 4. – С. 38–43.
68. Макаров М. Л. Основы теории дискурса / М. Л. Макаров – Москва : ИТДГК «Гнозис», 2003. – 280 с.
69. МакКормак Э. Когнитивная теория метафоры / Э. МакКормак // Теория метафоры. – Москва : Прогресс, 1990. – С. 358–386.
70. Маслова В. А. Введение в когнитивную лингвистику / В. А. Маслова – Москва : Флинта : Наука, 2004. – 296 с.
71. Маслова В. А. Современные направления в лингвистике : учебное пособие / В. А. Маслова. – Москва : Академия, 2008. – 266 с.
72. Матова Ю. В. Оценочный характер антропоцентрической метафоры трудовой деятельности в русском и английском языках / Ю. В. Матова, Э. В. Будаев // Вестник Пермского национально-исследовательского политехнического университета. Сер. Проблемы языкознания и педагогики. – 2019. – № 2. – С. 82–89.
73. Матова Ю. В. Политическая коммуникация как сфера-мишень метафоризации лексики трудовой деятельности в русском и английском языках (по материалам национальных лингвистических корпусов) / Ю. В. Матова // Политическая лингвистика. – 2018. – № 3. – С. 48–54.
74. Медведева Е. А. Прагматический аспект использования концептуальной метафоры в политическом дискурсе президента Российской Федерации В. В. Путина / Е. А. Медведева // Вестник Пятигорского государственного лингвистического университета. – 2014. – № 2. – С. 148–152.
75. Методология исследований политического дискурса: актуальные проблемы содержательного анализа общественно-политических текстов / Под общ. ред. И. Ф. Ухвановой-Шмыговой. – Минск : БГУ, 2008. – 271 с.
76. Моисеева Т. В. Метафорическое моделирование образа России в американских СМИ и образа США в российских СМИ : дис. ... канд. филол. наук / Т. В. Моисеева. – Екатеринбург : [б. и.], 2007. – 235 с.

77. Мухамедьянова Г. Н. Метафора как источник текстовой экспрессии в политических текстах разноструктурных языков / Г. Н. Мухамедьянова // Вопросы функционирования языковых единиц. – Уфа : РИО БашГУ, 2004. – С. 99–108.

78. Наумова И. А. Особенности использования технической метафоры в российском политическом дискурсе / И. А. Наумова // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2007. – № 3. – С. 129–131.

79. Ольховикова Ю. А. Метафоры со сферой-источником «Неживая природа» в политическом дискурсе США и ФРГ : автореф. дис. ... канд. филол. наук / Ю. А. Ольховикова. – Екатеринбург : [б. и.], 2009. – 23 с.

80. Пасечник О. В. Концептуальная метафора как способ вербализации концепта «ПОЛИТИК» (На материале современных немецких СМИ) / О. В. Пасечник // Вестник Костромского государственного университета им. Н. А. Некрасова. – 2007. – № 1. – С. 174–177.

81. Перескокова А. Ю. Метафорическое моделирование образа российских и американских средств массовой информации: рефлексивный аспект : автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. Ю. Перескокова. – Екатеринбург : [б. и.], 2006. – 23 с.

82. Петров В. В. Метафора: от семантических представлений к когнитивному анализу / В. В. Петров // Вопросы языкознания. – 1990. – № 3. – С. 135–145.

83. Пименов Е. А. Политические метафоры: новые и традиционные модели / Е. А. Пименов // Новая Россия: новые явления в языке и в науке о языке: материалы международной науч. конф., Екатеринбург, 14–16 апр. 2005 г. – Екатеринбург : Издательство Уральского университета, 2005. – С. 521–530.

84. Пичкур А. И. Прагматика обновления пространственных метафор в политическом дискурсе (на материале текстов немецких СМИ) /

А. И. Пичкур // Прагматика форм речевого общения. – Самара : СамГУ, 2001. – С. 25–32.

85. Попова Т. Г. Особенности метафорической репрезентации образа России в западных СМИ / Т. Г. Попова, Р. И. Зарипов // Политическая лингвистика. – 2017. – № 5. – С. 125–129.

86. Посохова Я. А. Зооморфная метафора как способ моделирования образа враждебной России в англоязычных СМИ / Я. А. Посохова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 26. – С. 88–94.

87. Пшенкин А. А. Метафорический образ СССР/России в американском политическом дискурсе второй половины XX – начала XXI веков : дис. ... канд. филол. наук / А. А. Пшенкин. – Барнаул : [б. и.], 2006. – 194 с.

88. Рожкова О. Е. Метафоры в политическом дискурсе / О. Е. Рожкова // Вопросы когнитивной лингвистики. – 2005. – № 1. – С. 98–101.

89. Ряпосова А. Б. Метафорические модели с агрессивным прагматическим потенциалом в политическом нарративе «Российские федеральные выборы (1999–2000 гг.)» : дис. ... канд. филол. наук / А. Б. Ряпосова. – Екатеринбург : [б. и.], 2002. – 202 с.

90. Сегал Н. А. Политический текст: метафорическое моделирование / Н. А. Сегал. – Москва : Флинта, 2017. – 248 с.

91. Селиванова И. В. Военные метафоры в рождественских обращениях короля Испании / И. В. Селиванова // Политическая лингвистика. – 2019. – № 4. – С. 61–66.

92. Сизонова О. Е. Политическая метафора как механизм актуализации ценностных детерминант во внешнеполитическом дискурсе США и Германии: На материале современной прессы / О. Е. Сизонова // Вестник Поморского университета. Серия: Гуманитарные и социальные науки. – 2007. – № 5. – С. 156–158.

93. Скребцова Т. Г. Американская школа когнитивной лингвистики / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург : Анатолия, 2000. – 202 с.

94. Скребцова Т. Г. Когнитивная лингвистика: Курс лекций / Т. Г. Скребцова. – Санкт-Петербург : Филологический факультет СПбГУ, 2011. – 256 с.

95. Скребцова Т. Г. Современные исследования политической метафоры / Т. Г. Скребцова // Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 9. Филология, востоковедение, журналистика. – 2005. – № 1. – С. 35–46.

96. Солопова О. А. Метафорическое моделирование образов «прошлого», «настоящего» и «будущего» в дискурсе парламентских выборов России (2003 г.) и Великобритании (2001 г.): автореф. дис. ... канд. филол. наук / О. А. Солопова. – Челябинск : [б. и.], 2006. – 244 с.

97. Степаненко А. В. Лингвокогнитивные особенности функционирования метафоры в политическом дискурсе: На материале русского и немецкого языков : дис. ... канд. филол. наук / А. В. Степаненко. – Москва : [б. и.], 2001. – 24 с.

98. Стоянова Е. Театральная метафора в политическом дискурсе (на материале языка российских и болгарских масс-медиа) / Е. Стоянова // Аспекты контрастивного описания русского и болгарского языков. – Шумен : Шуменски университет «Епископ Константин Преславски», 2006. – С. 58–79.

99. Субботина А. А. Функции метафоры в политическом дискурсе: (На материале англоязычной прессы) / А. А. Субботина // Культурно-языковые контакты. – 2006. – № 9. – С. 274–284.

100. Таратынова Т. В. Кандидаты на пост президента Российской Федерации 2008: метафорические портреты в немецких масс-медиа / Т. В. Таратынова // Политическая лингвистика. – 2009. – № 28. – С. 92–95.

101. Таратынова Т. В. Милитарная метафора в представлении избирательной кампании США-2008 (по материалам немецких СМИ) / Т. В. Таратынова // Политическая лингвистика. – 2008. – № 25. – С. 98–102.

102. Телешева И. В. Политическая ситуация как сфера-магнит для морбиальной метафоры в российских и американских СМИ / И. В. Телешева

// Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2004. – № 14. – С. 97–107.

103. Теория и методика лингвистического анализа политического текста / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, Е. В. Дзюба. – Екатеринбург : УрГПУ, 2016. – 308 с.

104. Уткин А. И. Мировая холодная война / А. И. Уткин. – Москва : Эксмо : Алгоритм, 2005. – 736 с.

105. Федосеев А. А. Метафора как средство манипулирования сознанием в предвыборном агитационном дискурсе: автореф. дис. ... канд. филол. наук / А. А. Федосеев. – Иркутск : [б. и.], 2003. – 21 с.

106. Чернякова М. В. Театральная метафора как средство манипуляции в публикациях российских и американских СМИ, посвященных войне в Ираке / М. В. Чернякова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2004. – № 13. – С. 86–96.

107. Чудинов А. П. Дискурсивный поворот в российской когнитивной политической метафорологии / А. П. Чудинов, Э. В. Будаев, О. Г. Скворцов // Когнитивные исследования языка. – 2019. – № 37. – С. 110–115.

108. Чудинов А. П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2003. – 248 с.

109. Чудинов А. П. Очерки по современной политической метафорологии : Монография / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2013. – 176 с.

110. Чудинов А. П. Политическая лингвистика / А. П. Чудинов. – Москва : Флинта : Наука, 2006. – 256 с.

111. Чудинов А. П. Российская политическая метафорика в начале XXI века / А. П. Чудинов // Политическая лингвистика. – 2008. – № 24. – С. 86–93.

112. Чудинов А. П. Россия в метафорическом зеркале: когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000) / А. П. Чудинов. – Екатеринбург : УрГПУ, 2001. – 238 с.

113. Шейгал Е. И. Семиотика политического дискурса / Е. И. Шейгал. – Москва : Гнозис, 2004. – 326 с.
114. Шибанова Е. О. Метафорические концептуальные системы в сфере экономики и политики: (На материале англоязычной прессы): автореф. дис. ... канд. филол. наук / Е. О. Шибанова. – Москва : [б. и.], 1999. – 25 с.
115. Шрайдман Т. В. Политическая метафора как средство концептуального воздействия на общество / Т. В. Шрайдман // Вестник Нижегородского государственного лингвистического университета им. Н. А. Добролюбова. – 2009. – № 6. – С. 204–210.
116. Шудегова Е. А. Милитарная метафора в российском и американском политическом дискурсе / Е. А. Шудегова // Лингвистика. Бюллетень Уральского лингвистического общества. – 2002. – № 8. – С. 46–53.
117. Chilton P. A. *Analysing Political Discourse: Theory and Practice* / P. A. Chilton. – London; New York : Routledge, 2004. – 226 p.
118. Chouliaraki L. *Discourse in Late Modernity: Rethinking Critical Discourse Analysis* / L. Chouliaraki, N. Fairclough. – Edinburgh : Edinburgh University Press, 1999. – 168 p.
119. Ezrow N. *Dictators and Dictatorships: Understanding Authoritarian Regimes and Their Leaders* / N. Ezrow, E. Frantz. – London; New York : Continuum, 2011. – 334 p.
120. Fairclough N. *Analysing Discourse: Textual Analysis for Social Research* / N. Fairclough. – London; New York : Routledge, 2003. – 270 p.
121. Fairclough N. *Critical and Descriptive Goals in Discourse Analysis* / N. Fairclough // *Journal of Pragmatics*. – 1985. – № 9. – P. 739–763.
122. Musolff A. *Metaphor and conceptual evolution* / A. Musolff // *Metaphorik.de*. – 2004a. – № 7. – P. 55–75.
123. Musolff A. *Metaphor and Political Discourse. Analogical Reasoning in Debates about Europe* / A. Musolff. – Basingstoke: Palgrave Macmillan, 2004b. – 224 p.

124. Van Dijk T. Discourse and Context. A Sociocognitive Approach / T. Van Dijk. – New York : Cambridge University Press, 2008. – 267 p.

Словари

125. Кубрякова Е. С. Краткий словарь когнитивных терминов / Е. С. Кубрякова, В. З. Демьянков, Л. Г. Лузина, Ю. Г. Панкрац. – Москва : Издательство Московского государственного университета, 1996. – 245 с.

126. Шишлин Н. В. Краткий политический словарь / Н. В. Шишлин, Л. А. М. Оников. Москва : Издательство политической литературы, 1988. – 480 с.

127. Cambridge Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://dictionary.cambridge.org/> (дата обращения: 28.03.2023).

128. Collins English Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.collinsdictionary.com/dictionary/english> (дата обращения: 28.03.2023).

129. Macmillan Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.macmillandictionary.com/> (дата обращения: 28.03.2023).

130. Merriam-Webster Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.merriam-webster.com/> (дата обращения: 28.03.2023).

131. The Britannica Dictionary [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.britannica.com/dictionary> (дата обращения: 28.03.2023).

Электронные ресурсы

132. Интерфакс [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.interfax.ru/> (дата обращения: 14.04.2023).

133. Информационно-аналитическое агентство «УРА.РУ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://ura.news/> (дата обращения: 14.04.2023).

134. Конвенция о предупреждении преступления геноцида и наказании за него / Организация Объединенных Наций [Электронный ресурс]. – URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/genocide.shtml (дата обращения: 14.02.2023).

135. Посольство и консульства США в Российской Федерации [Электронный ресурс]. – URL: <https://ru.usembassy.gov/ru/> (дата обращения: 14.04.2023).

136. РБК [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.rbc.ru/> (дата обращения: 14.04.2023).

137. Редичкина К. Кто впервые публично произнёс словосочетание «железный занавес» / К. Редичкина [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pnp.ru/politics/kto-vpervye-publichno-proiznyos-slovosochetanie-zheleznyu-zanaves.html> (дата обращения: 18.02.2023).

138. Репина Е. А. Политический текст как средство речевого воздействия / Е. А. Репина [Электронный ресурс]. – URL: <http://www.psyh-portret.ru/collection/repina.html> (дата обращения: 17.12.2022).

139. РИА Новости [Электронный ресурс]. – URL: <https://ria.ru/> (дата обращения: 14.04.2023).

140. Сетевое издание «Коммерсантъ» [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.kommersant.ru/> (дата обращения: 14.04.2023).

141. Сетевое издание IZ.RU [Электронный ресурс]. – URL: <https://iz.ru/> (дата обращения: 14.04.2023).

142. Указ Президента Российской Федерации от 21.09.2022 № 647 «Об объявлении частичной мобилизации в Российской Федерации» / Официальное опубликование правовых актов [Электронный ресурс]. – URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202209210001> (дата обращения: 20.03.2023).

143. ACCOUNTABILITY AND JUSTICE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC69992/text> (дата обращения: 05.03.2023).

144. ASSESSING THE USE OF SANCTIONS IN ADDRESSING NATIONAL SECURITY AND FOREIGN POLICY CHALLENGES [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64809/text> (дата обращения: 05.03.2023).

145. Ballotpedia [Электронный ресурс]. – URL: https://ballotpedia.org/Main_Page (дата обращения: 06.01.2023).
146. Boy Scouts of America [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.scouting.org/> (дата обращения: 10.01.2023).
147. Carnegie Corporation of New York [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.carnegie.org/> (дата обращения: 14.04.2023).
148. COUNTERING A RESURGENT RUSSIA [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64149/text> (дата обращения: 11.03.2023).
149. DEFENDING U.S. ALLIES AND INTERESTS AGAINST RUSSIAN AGGRESSION IN EASTERN EUROPE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC67949/text> (дата обращения: 23.03.2023).
150. EARLY SIGNS OF WAR CRIMES AND HUMAN RIGHTS ABUSES COMMITTED BY THE RUSSIAN MILITARY DURING THE FULL-SCALE INVASION OF UKRAINE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC69405/text> (дата обращения: 17.03.2023).
151. Encyclopaedia Britannica [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.britannica.com/> (дата обращения: 30.03.2023).
152. EXPOSING AND DEMANDING ACCOUNTABILITY FOR KREMLIN CRIMES ABROAD [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC65832/text> (дата обращения: 29.03.2023).
153. H. RES. 755, ARTICLES OF IMPEACHMENT AGAINST PRESIDENT DONALD J. TRUMP VOLUME I [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64640/text> (дата обращения: 23.03.2023).

154. Heitshusen V. Committee Types and Roles / V. Heitshusen [Электронный ресурс]. – URL: <https://web.archive.org/web/20100423162313/> (дата обращения: 06.01.2023)/

155. HOW THE AMERICAN RESCUE PLAN SAVED LIVES AND THE U.S. ECONOMY [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC68996/text> (дата обращения: 29.03.2023).

156. Ignatieff M. Enemies vs. Adversaries / M. Ignatieff [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2013/10/17/opinion/enemies-vs-adversaries.html> (дата обращения: 04.04.2023).

157. MARKUP of H. Res. 75, H.R. 739, H. Res. 156, H.R. 596, and H.R. 295 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC63776/text> (дата обращения: 05.03.2023).

158. MARKUP OF H.R. 2615, H.R. 2744, H.R. 598, H.R. 2140, H.R. 2023, H.R. 2046, H. RES. 129, H. RES. 372, and H. RES. 345 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64253/text> (дата обращения: 17.03.2023).

159. MARKUP OF H.R. 3352, H.RES. 220, H.RES. 221, H.RES. 222, H.RES. 358, H.R. 2037, H.R. 3206, and H.R. 3460 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64425/text> (дата обращения: 17.03.2023).

160. MARKUP OF H.R. 6986, 7990, 7673, 8409, 4507, 8428, 8405, 8259, 4636, 4326, 7954, 8438, H.Res. 1012, 697, 1100, 751, 1077, 672, 17, 823, 996, 958, 825, 1121, 1115, 768, 1150, 1145 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC69830/text> (дата обращения: 21.03.2023).

161. MARKUP OF: H.R. 920, VENEZUELA ARMS RESTRICTION ACT; H.R. 854, HUMANITARIAN ASSISTANCE TO THE VENEZUELAN PEOPLE ACT OF 2019; H.R. 1477, RUSSIAN-VENEZUELAN THREAT MITIGATION ACT; AND H.R. 1616, EUROPEAN ENERGY SECURITY AND

DIVERSIFICATION ACT OF 2019 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC63780/text> (дата обращения: 01.03.2023).

162. Masters J. U. S. Foreign Policy Powers: Congress and the President / J. Masters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.cfr.org/backgrounder/us-foreign-policy-powers-congress-and-president#chapter-title-0-3> (дата обращения: 06.01.2023).

163. MEDIA – (DIS)INFORMATION – SECURITY / North Atlantic Treaty Organization [Электронный ресурс]. – URL: https://www.nato.int/nato_static_fl2014/assets/pdf/2020/5/pdf/2005-deepportal4-information-warfare.pdf (дата обращения: 14.02.2023).

164. Monder Criminal Lawyer Group [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.monderlaw.com/> (дата обращения: 14.02.2023).

165. NATO AT 70: AN INDISPENSABLE ALLIANCE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC63838/text> (дата обращения: 05.03.2023).

166. NEAR-PEER ADVANCEMENTS IN SPACE AND NUCLEAR WEAPONS [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC67950/text> (дата обращения: 27.03.2023).

167. NOT-SO-GOOD NEIGHBORS: RUSSIAN INFLUENCE IN BELARUS [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64593/text> (дата обращения: 27.03.2023).

168. ONLINE PLATFORMS AND MARKET POWER, PART 1: THE FREE AND DIVERSE PRESS [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC65360/text> (дата обращения: 17.03.2023).

169. OVERSIGHT OF THE TREASURY DEPARTMENT’S AND FEDERAL RESERVE’S PANDEMIC RESPONSE [Электронный ресурс]. –

URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC67037/text>
(дата обращения: 17.03.2023).

170. Popescu N. Hybrid tactics: neither new nor only Russian / N. Popescu [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.iss.europa.eu/content/hybrid-tactics-neither-new-nor-only-russian> (дата обращения: 17.02.2023).

171. PROTECTING DEMOCRACY DURING COVID-19 IN EUROPE AND EURASIA AND THE DEMOCRATIC AWAKENING IN BELARUS [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC66070/text> (дата обращения: 05.03.2023).

172. Public Broadcasting Service [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.pbs.org/wgbh/frontline/> (дата обращения: 14.04.2023).

173. PUTIN'S PROXIES: EXAMINING RUSSIA'S USE OF PRIVATE MILITARY COMPANIES [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC69382/text> (дата обращения: 01.03.2023).

174. Report On The Investigation Into Russian Interference In The 2016 Presidential Election / U.S. Department of Justice [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.justice.gov/archives/sco/file/1373816/download> (дата обращения: 26.01.2022).

175. Reuters [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.reuters.com/>
(дата обращения: 14.04.2023).

176. RUSSIA AND ARMS CONTROL: EXTENDING NEW START OR STARTING OVER? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64319/text> (дата обращения: 01.03.2023).

177. RUSSIA'S COUNTERPRODUCTIVE COUNTERTERRORISM [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64162/text> (дата обращения: 17.03.2023).

178. RUSSIAN BOUNTIES ON U.S. TROOPS: WHY HASN'T THE ADMINISTRATION RESPONDED? [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC65573/text> (дата обращения: 11.03.2023).

179. RUSSIAN DISINFORMATION ATTACKS ON ELECTIONS: LESSONS FROM EUROPE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64157/text> (дата обращения: 11.03.2023).

180. S.Hrg. 116-108 – SUCCESSES AND UNFINISHED BUSINESS IN THE WESTERN BALKANS [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/senate-event/LC64705/text> (дата обращения: 21.03.2023).

181. S.Hrg. 116-158 – NOMINATION OF HON. KELLY CRAFT, OF KENTUCKY, TO BE UNITED STATES AMBASSADOR TO THE UNITED NATIONS [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/senate-event/LC64906/text> (дата обращения: 21.03.2023).

182. S.Hrg. 116-184 – THE FUTURE OF U.S. POLICY TOWARDS RUSSIA [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/senate-event/LC65077/text> (дата обращения: 27.03.2023).

183. S.Hrg. 116-204 – FIVE YEARS AFTER THE REVOLUTION OF DIGNITY: UKRAINE’S PROGRESS/RUSSIA’S MALIGN ACTIVITIES [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/senate-event/LC65134/text> (дата обращения: 05.03.2023).

184. S.Hrg. 116-263 – CHINA AND RUSSIA [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/senate-event/LC65353/text> (дата обращения: 11.03.2023).

185. S.Hrg. 116-273 – NOMINATIONS OF THE 116TH CONGRESS, FIRST SESSION, PART I [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/senate-event/LC65428/text> (дата обращения: 05.03.2023).

186. S.Hrg. 116-275 – THE GLOBAL ENGAGEMENT CENTER: LEADING THE UNITED STATES GOVERNMENT'S FIGHT AGAINST GLOBAL DISINFORMATION THREAT [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/senate-event/LC65518/text> (дата обращения: 11.03.2023).

187. S.Hrg. 116-540 – THE SITUATION IN SOUTHEASTERN EUROPE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/senate-event/LC68295/text> (дата обращения: 11.03.2023).

188. S.Hrg. 117-219 – BLACK SEA SECURITY: REVIVING U.S. POLICY TOWARD THE REGION [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC68079/text> (дата обращения: 27.03.2023).

189. S.Hrg. 117-254 – UPDATE ON U.S.-RUSSIA POLICY [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC68209/text> (дата обращения: 27.03.2023).

190. S.Hrg. 117-288 – NOMINATIONS OF THE 117TH CONGRESS, FIRST SESSION – PART III [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC69072/text> (дата обращения: 05.03.2023).

191. S.Hrg. 117-314 – U.S. POLICY TOWARDS INDIA [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC68960/text> (дата обращения: 27.03.2023).

192. S.Hrg. 117-344 – RUSSIA'S INVASION OF UKRAINE: ASSESSING THE U.S. AND INTERNATIONAL RESPONSE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC68998/text> (дата обращения: 01.03.2023).

193. S.Hrg. 117-350 – COMBATTING AUTHORITARIANISM: U.S. TOOLS AND RESPONSES [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC69055/text> (дата обращения: 01.03.2023).

194. S.Hrg. 117-356 – THE ASSAULT ON FREEDOM OF EXPRESSION IN ASIA [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC69100/text> (дата обращения: 11.03.2023).

195. S.Hrg. 117-419 – THE JCPOA NEGOTIATIONS AND UNITED STATES’ POLICY ON IRAN MOVING FORWARD [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC69766/text> (дата обращения: 01.03.2023).

196. S.Hrg. 117-45 – NOMINATION OF HON. LINDA THOMAS-GREENFIELD TO BE UNITED STATES. REPRESENTATIVE TO THE UNITED NATIONS [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC66932/text> (дата обращения: 01.03.2023).

197. S.Hrg. 117-5 – THE STATE OF DEMOCRACY AROUND THE WORLD [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/senate-event/LC66031/text> (дата обращения: 05.03.2023).

198. Safire W. Essay; Putinism Looms / W. Safire [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/2000/01/31/opinion/essay-putinism-looms.html> (дата обращения: 22.03.2023).

199. STATE, FOREIGN OPERATIONS, AND RELATED PROGRAMS APPROPRIATIONS FOR 2022 [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC68147/text> (дата обращения: 05.03.2023).

200. THE ANNUAL REPORT OF THE FINANCIAL STABILITY OVERSIGHT COUNCIL [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC68907/text> (дата обращения: 27.03.2023).

201. THE ANNUAL TESTIMONY OF THE SECRETARY OF THE TREASURY ON THE STATE OF THE INTERNATIONAL FINANCIAL SYSTEM [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC68725/text> (дата обращения: 27.03.2023).

202. The Associated Press [Электронный ресурс]. – URL: <https://apnews.com/> (дата обращения: 14.04.2023).

203. THE BETRAYAL OF OUR SYRIAN KURDISH PARTNERS: HOW WILL AMERICAN FOREIGN POLICY AND LEADERSHIP RECOVER? [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64661/text> (дата обращения: 17.03.2023).

204. The Constitution of the United States / National Archives [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.archives.gov/founding-docs/constitution-transcript> (дата обращения: 06.01.2023).

205. The Department of Defense's Role In Long-Term Major State Competition [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC65286/text> (дата обращения: 01.03.2023).

206. THE DYNAMIC TERRORISM LANDSCAPE AND WHAT IT MEANS FOR AMERICA [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC68104/text> (дата обращения: 11.03.2023).

207. The Federal Bureau of Investigation [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.fbi.gov/> (дата обращения: 10.01.2023).

208. The Guardian [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.theguardian.com/international> (дата обращения: 14.04.2023).

209. THE IMPACT OF RUSSIA'S INVASION OF UKRAINE IN THE MIDDLE EAST AND NORTH AFRICA [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC69538/text> (дата обращения: 17.03.2023).

210. THE IMPEACHMENT INQUIRY INTO PRESIDENT DONALD J. TRUMP: CONSTITUTIONAL GROUNDS FOR PRESIDENTIAL IMPEACHMENT [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64639/text> (дата обращения: 01.03.2023).

211. THE IMPORTANCE OF THE NEW START TREATY [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64749/text> (дата обращения: 01.03.2023).

212. The New York Times [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.nytimes.com/> (дата обращения: 14.04.2023).

213. The Sopranos / Internet Movie Database [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.imdb.com/title/tt0141842/> (дата обращения: 14.02.2023).

214. THE U.S. AND INTERNATIONAL HUMANITARIAN RESPONSE TO RUSSIA'S INVASION OF UKRAINE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC68614/text> (дата обращения: 01.03.2023).

215. The United Nations Office of Counter-Terrorism [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.un.org/counterterrorism/> (дата обращения: 10.01.2023).

216. Theohary C. A. What Is «Political Warfare»? / C. A. Theohary, M. A. Weiss [Электронный ресурс]. – URL: <https://crsreports.congress.gov/product/pdf/IF/IF11127#:~:text=In%20broadest,to%20achieve%20its%20national%20objectives> (дата обращения: 14.02.2023).

217. Trethan P. The Congressional Committee System / P. Trethan [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.thoughtco.com/the-congressional-committee-system-3322274> (дата обращения: 06.01.2023).

218. U.S. Capitol Visitor Center [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.visitthecapitol.gov/> (дата обращения: 06.01.2023).

219. U.S. COAST GUARD'S LEADERSHIP ON ARCTIC SAFETY, SECURITY, AND ENVIRONMENTAL RESPONSIBILITY [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC69943/text> (дата обращения: 21.03.2023).

220. U.S. COUNTERTERRORISM EFFORTS IN SYRIA: A WINNING STRATEGY? [Электронный ресурс]. – URL:

<https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC34361/text> (дата обращения: 05.03.2023).

221. U.S. EFFORTS TO SUPPORT EUROPEAN ENERGY SECURITY [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC69991/text> (дата обращения: 05.03.2023).

222. UNDERMINING DEMOCRACY: KREMLIN TOOLS OF MALIGN POLITICAL INFLUENCE [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC64322/text> (дата обращения: 17.03.2023).

223. UNDERSTANDING AUTHORITARIANISM AND KLEPTOCRACY IN RUSSIA [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/117th-congress/house-event/LC69401/text> (дата обращения: 11.03.2023).

224. United States Department of State [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.state.gov/> (дата обращения: 30.03.2023).

225. VENEZUELA AT A CROSSROADS [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC63753/text> (дата обращения: 27.03.2023).

226. WITH AMERICAN LIVES ON THE LINE, LESSONS FOR MANAGING THE RUSSIA THREAT [Электронный ресурс]. – URL: <https://www.congress.gov/event/116th-congress/house-event/LC65913/text> (дата обращения: 05.03.2023).

227. World Nuclear Association [Электронный ресурс]. – URL: <https://world-nuclear-news.org/> (дата обращения: 14.04.2023).